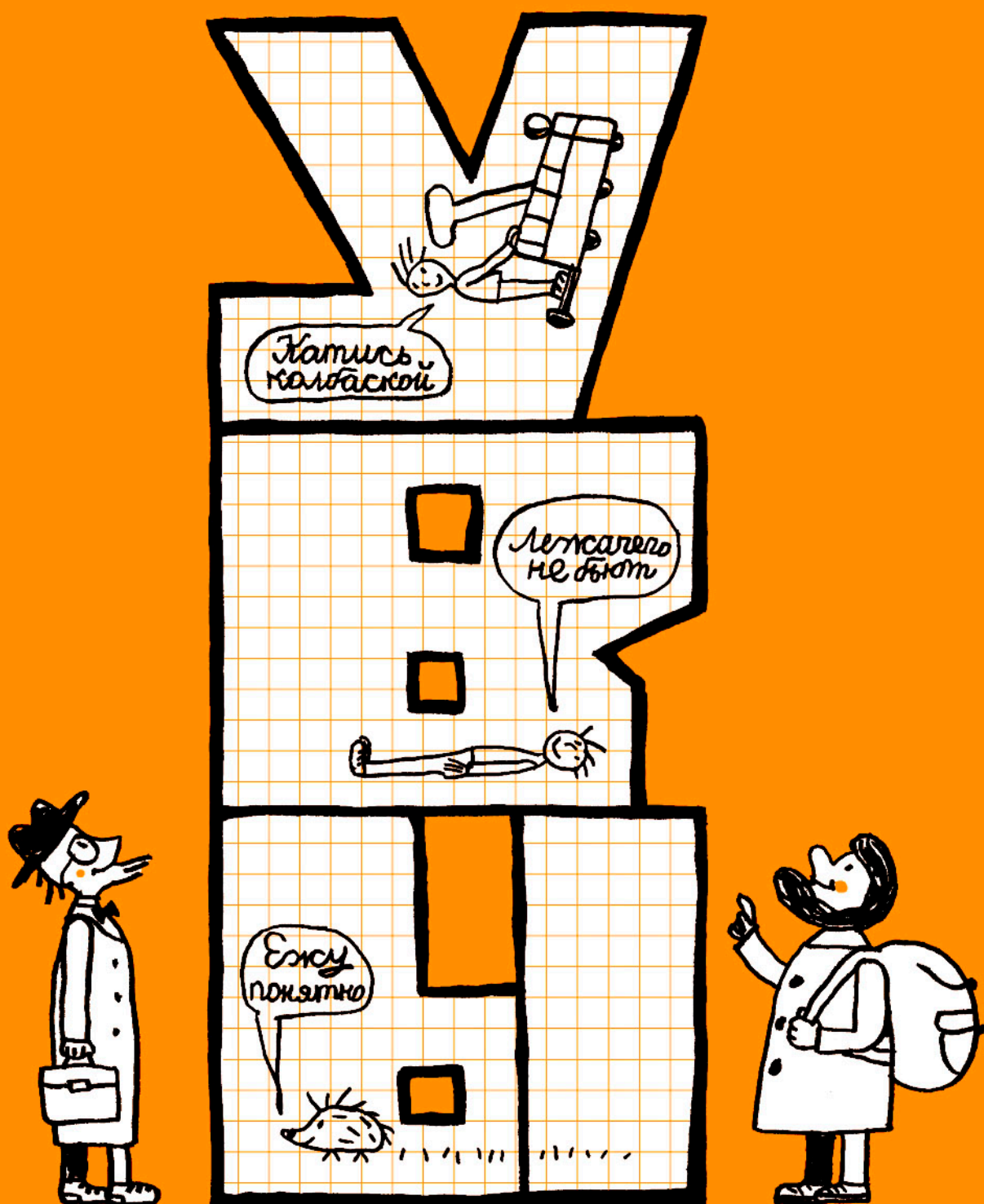

Николай Голь

УСТОЙЧИВЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ
академика Пятитомова
и профессора Синицына

Николас Золь

и
Юрия Александрова

УДК 415.412
ББК 84(2Рос=Рус)6
Г 63

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Министерства цифрового развития, связи
и массовых коммуникаций
Российской Федерации*

Голь Н. М.

Г 63 УВЫ, или Устойчивые выражения академика Пятитомова и профессора Сеницына / Николай Голь ; рисунки Юрия Александрова. – Москва : Мой ученик ; Санкт-Петербург : Детское время, 2023. – 96 с. : цв. ил.

ISBN 978-5-98736-090-3

Книга Николая Голя повествует о приключениях академика Пятитомова, профессора Сеницына и внука академика, любознательного мальчика Серёжи, ученика 7-го класса. Весёлые приключения героев книги буквально «нанизаны» на истории о том, откуда взялись и как появились в русском языке устойчивые выражения: крылатые слова, исторические высказывания и афоризмы, пословицы и поговорки.

Кто придумал фразу «все дороги ведут в Рим»? Кто такой буриданов осёл? Или газетная утка? Почему дарёному коню в зубы не смотрят? В игровой манере юный читатель освоит новый лексический запас, узнает много неожиданного и интересного, в том числе не только по любимым предметам «русский язык и литература», но и из области истории, природоведения, математики, географии и других наук.

Иллюстрации к книге сделал известный художник Юрий Александров.

© Н. М. Голь, текст, 2023

© Ю. С. Александров, иллюстрации, 2023

© К. А. Шантгай, макет, 2023

© ООО «ИД «Детское время», оформление, 2023

Предыстория

У школьника Серёжи Пятитомова есть любимый дедушка – академик. А у академика Николая Михайловича Пятитомова есть любимый соавтор – профессор Геннадий Анатольевич Синицын. Оба учёных очень хорошо относятся к Серёже. Поэтому они часто с ним говорят на серьёзные темы. Серёжа называет такие беседы наставлениями, нравоучениями, а иногда – занудством.

– Что вы вечно талдычите мне одно и то же! – сердится он. – Я уже все ваши слова наизусть знаю. Пустые это фразы.

– Вовсе не пустые! – разволновался дедушка. – Просто ты не удосуживаешься вникнуть в их смысл и суть. Это же... Это... – академик тяжело вдохнул, – увы.

– Вот именно, – вступил в разговор профессор. – Точнее не скажешь. Увы. В данном случае это аббревиатура: сокращение, составленное из первых букв словосочетания. Например, ДЕТское Государственное ИЗдательство – Детгиз, Федеральная Служба Без-опасности...

– ФСБ, – догадался Серёжа.

– Молодец, – похвалил молодого человека Геннадий Анатольевич, – а УВЫ...

– Устойчивые выражения! – догадался Николай Михайлович. – Фразеологические обороты, крылатые слова, исторические изречения, идиомы, афоризмы, пословицы, поговорки...

– И много у вас ещё осталось этих УВЫ? – спросил самым что ни на есть ироническим тоном Серёжа.

– А Васька слушает, да ест, – всплеснул руками академик.

– Никакой я вам не Васька, и ничего я не ем, – отпарировал внук академика.

– В том-то и дело, – не согласился профессор Синицын, – что Васька и ешь!

– Сейчас мы тебе, – сказал академик, – дадим об упомянутом устойчивом выражении необходимую справку.

A

А Вася слушает,
да ест

– Весной 1812 года, – начал профессор, – Россия оказалась в непростом международном положении. Французский император Наполеон Бонапарт, – говоря это, Геннадий Анатольевич взял газетный лист и сложил его пополам, – вплотную приблизил свои войска к её границам. На эти явные признаки агрессии Россия, которой в те времена правил Александр I, отвечала многочисленными нотами протеста, – профессор Синицын завернул верхние углы сложенной газеты вниз, – а Наполеону хоть бы хны. Не реагировал он на эти увещевания.

– Наоборот: взял и заключил чрезвычайно невыгодные для нас договоры с Пруссией и Австрией, – добавил академик.

Профессор тем временем окончил манипуляции с газетным листом и надел на голову получившуюся бумажную треуголку.

– И тогда Иван Андреевич Крылов написал басню «Кот и повар», – продолжил Николай Михайлович Пятитомов.

– Он всегда писал басни, – показал свою образованность Серёжа.

– Эта басня, – не стал отвлекаться дедушка, – повествовала о том, как некий повар стыдил кота Ваську, пожиравшего уворованную им курицу, а негодник продолжал лакомиться. Не действовали на него уговоры. Под поваром в басне подразумевался Александр I, а под котом – Наполеон. Что было дальше, сам знаешь.

– Дальше была мораль, – скучным голосом сказал Серёжа.

– Дальше были вторжение французов, Отечественная война 1812 года и полный разгром Бонапарта, – профессор сорвал с головы треуголку и небрежно бросил её на пол, – а слова Крылова,

о которых мы говорим, стали устойчивым выражением, то есть фразеологизмом, означающим полное игнорирование разумных советов, неуважение к справедливым требованиям и интересам окружающих.

– И мы хотим, – подытожил академик, – чтобы ты всё это твёрдо запомнил. А то так и останешься неучем и невежей.

– И невеждой, – добавил профессор.

– Ты этого хочешь? – спросил дедушка.

– Я хочу... – начал внук.

Но это уже другой рассказ.

Б

Бессмысленные мечтания

– Я хочу, – сказал Серёжа, – чтобы каникулы у нас были через каждую неделю! Поучились немножко – и всё, хватит!

– Я бы сказал, – огорчился академик Пятитомов, – что это бессмысленные мечтания.

– А я бы добавил, – добавил профессор Синицын, – что это цитата, историческое изречение.

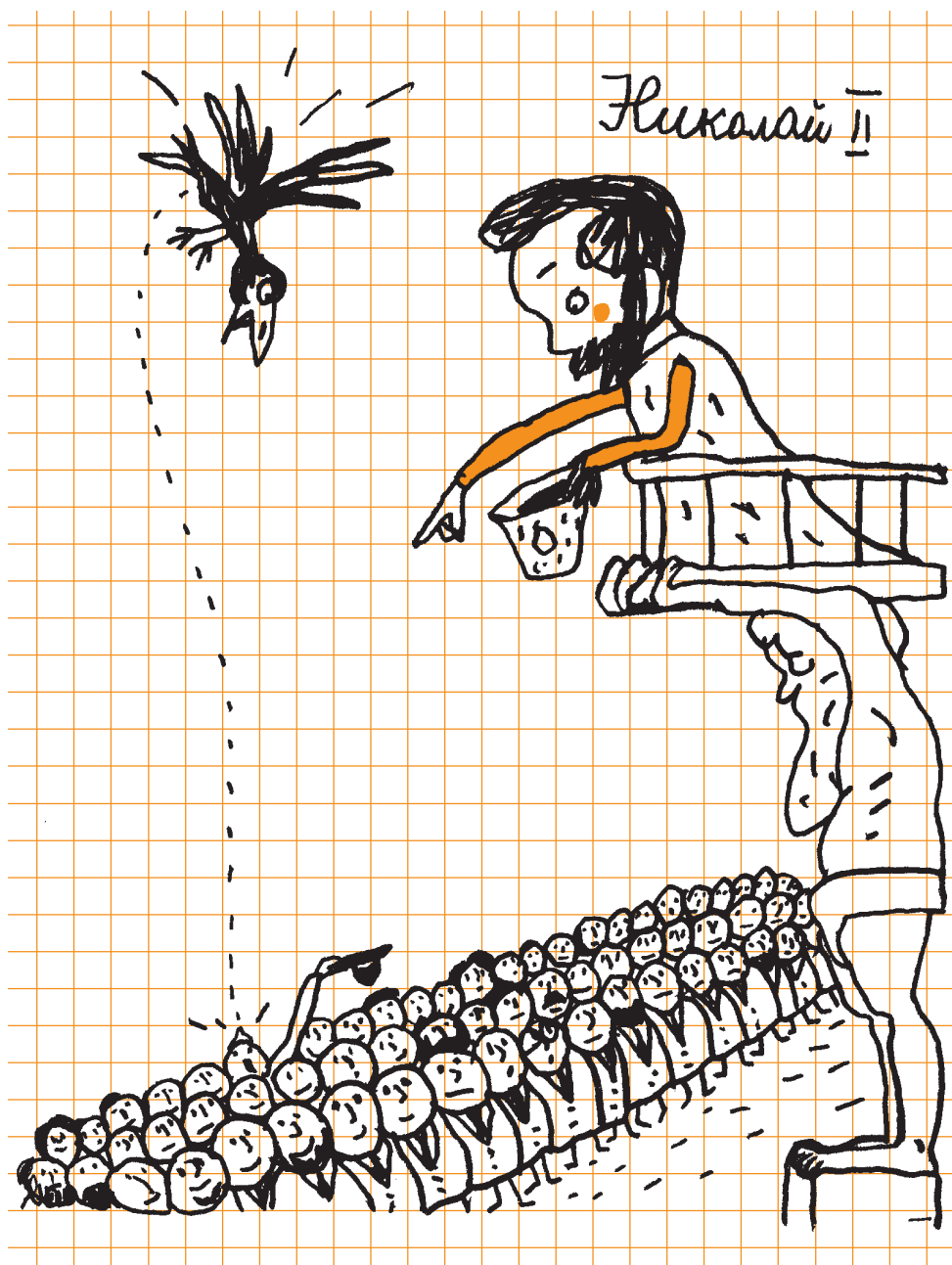
– А я бы спросил, – поддержал беседу Серёжа, – кто и когда это первым изрёк?

Обрадованные любознательностью молодого человека, учёные заговорили наперебой. И вот что они рассказали.

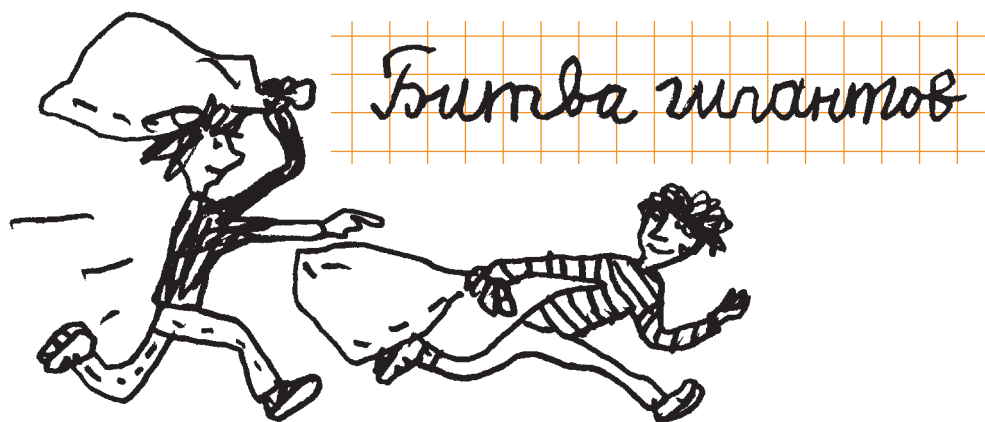
Дело было в 1895 году. За несколько месяцев до этого умер российский император Александр III. На престол взошёл его сын, Николай II. Демократически настроенные общественные деятели возлагали на новое царствование большие надежды. Им казалось, что молодой монарх должен несколько смягчить жёсткие рамки самодержавия, ввести хотя бы некоторые конституционные свободы. Самому же императору и его правительству так не казалось. Чтобы прекратить брожение в обществе, в Петербурге собрали представителей губернского и уездного дворянства, и царь, стоя на балконе, произнёс перед ними речь.

Академик подошёл к книжной полке, снял с неё толстую книгу и, открыв на нужной странице, прочёл слова, произнесённые Николаем II: «Пусть все знают, что я, посвящая все свои силы благу народному, буду охранять самодержавие так же твёрдо и неуклонно, как охранял его мой незабвенный покойный родитель».

– А надежды на участие общественных представителей в делах управления страной, – сказал профессор, – монарх объявил «бессмысленными мечтаниями». Впрочем, он вовсе не собирался быть так резок. Произошла оговорка. Император читал речь по бумажке, спрятанной в снятой барашковой шапке; в подготовленном тексте, в царской, так сказать, шпаргалке, значились не «бессмысленные мечтания», а всего лишь «несбыточные».

— А вот мечты про каникулы через каждую неделю — действительно мечтания бессмысленные, — подытожил академик, и все занялись своими делами: соавторы — совместной статьёй, посвящённой биографии французского императора Наполеона Бонапарта (1769–1821), а к Серёже в гости пришёл одноклассник Витя Воронков.

Учёных отвлек от работы грохот, доносившийся из Серёжиной комнаты. Они поспешили на шум и попали в самый разгар боя: академический внук и Витя Воронков с азартом лупили друг друга подушками.

– Битва гигантов! – оценил ситуацию профессор.

Сражение прекратилось.

– Что ж вы остановили боевые действия? – поинтересовался академик.

– Какой интерес сражаться, если вас всерьёз не принимают? – слегка обиженно ответил Витя. – Вы думаете, мы роман Ильфа и Петрова «Золотой телёнок» не читали? Мы читали! Там Остап Бендер, глядя на одну драку, шутит: «Битва гигантов! Балаганов в весе петуха, Паниковский в весе курицы!» Вот и вы тоже...

Серёжа понимающе кивнул.

– Напрасно вы обижаетесь, – не согласился профессор. – Говоря про битву гигантов, я вовсе не иронизировал. Между прочим, и фраза, которую употребил герой романа, первоначально не содержала в себе ни капли иронии. Упомянутое устойчивое выражение – достоинство истории.

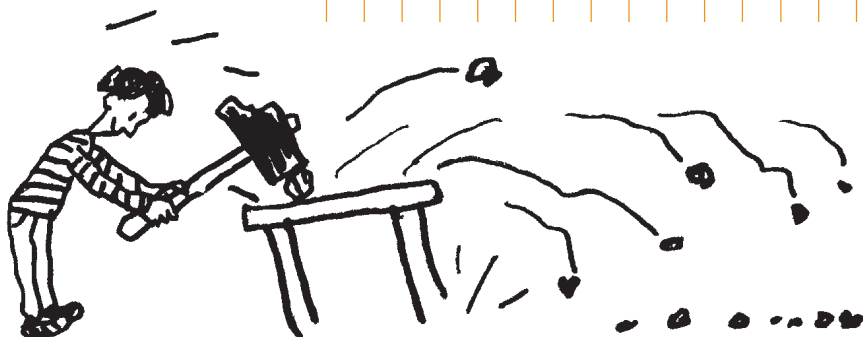
– Какой истории? – заинтересовался Серёжа.

– А вот какой, – не стал тянуть с ответом дедушка-академик. – 18 июня 1815 года у деревушки Ватерлоо произошла битва между войсками англо-прусской коалиции и армией Наполеона. Обе стороны прекрасно понимали, что сражение это должно решить судьбу наполеоновской империи. Поэтому силы были собраны огромные. У французов – 72 тысячи войска при 243 орудиях, у их противников – 70 тысяч человек и 159 пушек. Битва началась ранним утром и длилась до позднего вечера. Французский император потерпел в ней

окончательное и бесповоротное поражение, а герцог Артур Уэлсли Веллингтон, возглавлявший при Ватерлоо английскую армию, докладывая своей королеве о результатах, назвал сражение битвой гигантов. Безо всякой иронии. Так что продолжайте, друзья мои, но постарайтесь как-нибудь потише.

Бить баклуши

Надо сказать, что шум из Серёжиной комнаты нередко мешал Пятитомову с Синицыным, прерывая их научные занятия. Вот и опять: тук-тук. Размеренные удары чем-то твёрдым по чему-то не менее крепкому. Наконец, учёные не выдержали, вскочили со стульев и решительно направились в обиталище молодого человека.

– Что ж это такое? – возмущённо спросил дедушка. – Тук! Тук! Мы работаем, а ты баклуши бьёшь!

– Никакие не баклуши. Я даже не знаю, что это такое. Я бью грецкие орехи. – И внук бросил в рот пригоршню лакомства, освобождённого от прочной скорлупы. – Вкусно, между прочим.

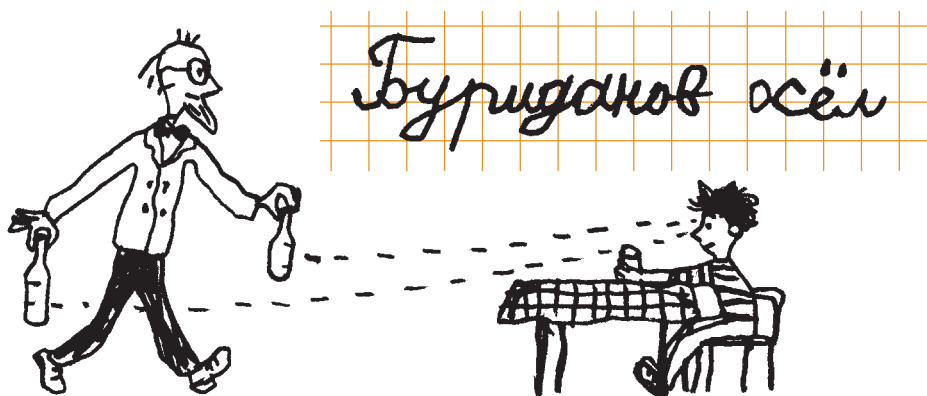
– Значит, действительно ты бьёшь не баклуши, – с ухмылкой сказал профессор. – Баклуши невкусные.

– Так назывались когда-то на Руси, – подхватил академик, – деревянные заготовки, чурки, можно сказать, колобашки, из которых изготавливались затем ложки, миски и другая деревенская посуда. Работа, в общем-то, нехитрая: берёшь липовое полено – и руби себе, никакой особой квалификации и мало-мальского мастерства для этого не требуется. Бить баклуши мог самый никудышный подмастерье, так что это занятие приравнялось в среде настоящих умельцев к ерунде и ничегонеделанью.

– Вот так и появилось устойчивое выражение, – добавил профессор, – любой словарь тебе это подтвердит: бить баклуши значит бездельничать.

– А колоть орехи – совсем другое дело, – весело подытожил академик, и учёные присоединились к школьнику: тук! тук! ам! ам!

Прожевав очередную порцию орехов, академик блаженно прищурился:

– Амброзия!

– В каком это смысле – «амброзия»? – поинтересовался профессор.

– Как это – «в каком смысле»? – удивился академик.

– Ну, например, в ботанике амброзией называют розоватые налёты на древесине, древесные грибницы. Этой амброзией питаются личинки жуков-короедов.

– Я не личинка жука-короеда! – оскорбился Серёжа.

– А ещё в ботанике, – предложил другой вариант профессор Синицын, – амброзией именуют некоторые травянистые растения семейства сложноцветных. Их коровы очень любят...

– Я не корова! – возмутился Серёжа.

– Нет, – успокоил его академик, – я не в том смысле. Я в том смысле, что древнегреческие боги жили, по преданию, на горе Олимп. Пировали они в золотых чертогах. Во главе стола, конечно, сидел Зевс. Подавали на пиру, конечно же, амброзию и нектар. Амброзия – это пища богов, а нектар – их напиток. Амброзия и нектар даровали, как говорит миф, бессмертие и вечную молодость. Потом амброзией стали называть любую вкусную еду, например гречские орехи, которыми мы лакомимся. Пальчики оближешь! Вот я и говорю: амброзия.

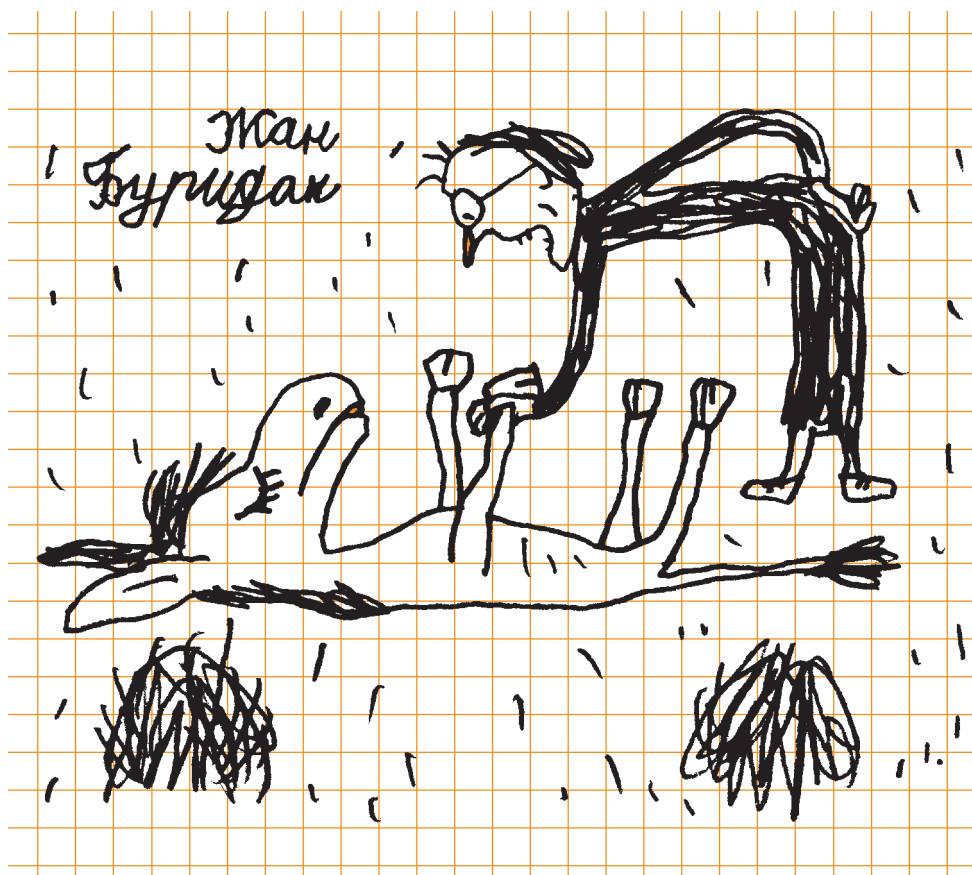
– А когда же подадут нектар? – заинтересовался Серёжа.

Академик, поспешив на кухню, принёс из холодильника бутылку лимонада «Колокольчик» и банку пепси-колы. Серёжа заёрзал на стуле. Его рука тянулась то к лимонаду, то к пепси. Потом бессильно опустилась.

– Настоящий буриданов осёл, – сказал профессор.

– Я не осёл! – вновь обиделся Серёжа.

– Конечно, нет. Тут дело не в осле, а в Буридане, – успокоил внука академик. – Жан Буридан – французский философ XVI века. Размышляя о трудности выбора между двумя примерно равными

возможностями, он придумал притчу об осле, который, стоя на одинаковом расстоянии от двух похожих охапок сена, никак не мог отдать предпочтение ни одной из них и в результате умер от голода.

– Так что буриданов осёл – не осёл, – добавил профессор Синицын, – а человек, колеблющийся, не знающий, как поступить.

Серёжа почесал затылок и налил себе полстакана лимонада. Выпил – и налил ещё полстакана пепси-колы.

– Интересный выход из положения, – одобрил Серёжино решение профессор Синицын.

В

*Взялся за гуж, не говори,
что не дюж*

– Извини, дорогой соавтор, – как-то раз сказал академик Пяти-
томов заглянувшему на огонёк профессору Сеницыну, – виноват,
забыл тебя предупредить: сегодня поработать вместе у нас никак
не получится. Взвалил я на себя, забыв про возраст, слишком много
обязанностей: дипломные работы, аспиранты, экзамены... Ты пойди,
что ли, погуляй – вон как распогодилось. Или у тебя другие планы?

– Я лучше, раз уж напрасно пришёл, с Серёжей посижу побол-
таю, – ответил профессор. – Никаких таких особенных планов
у меня нет.

Сергей радостно улыбнулся. Ему нравились разговоры с Сени-
цыным. И особенных планов у него тоже пока не было.

– Вот и хорошо. А я – за рабочий стол. Взялся за гуж, не говори,
что не дюж, – вздохнул дедушка и скрылся в кабинете.

– Что за «гуж»? Что за «дюж»? – приподнял брови Серёжа.

– Эх, молодо-зелено, – улыбнулся в усы Сеницын. – Ты лошадь
когда-нибудь видел?

– Конечно, – припомнил Серёжа. – В зоопарке. И по телевизо-
ру недавно соревнования по выездке показывали. Красиво.

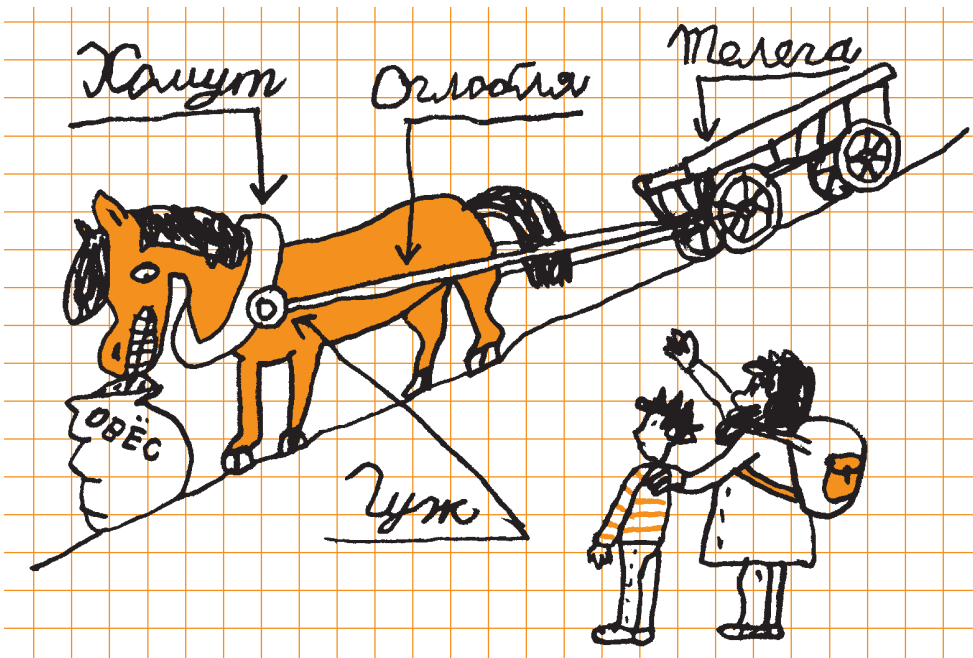
– Ну, это не совсем то, – промолвил профессор. – Мы с твоим
дедушкой застали ещё время рабочих лошадей. Самый его конец.
На лошадях грузы возили. А для этого надо было сначала впрячь
лошадку в телегу. Дело это не простое. Перво-наперво надо скрепить
хомут с оглоблями...

Серёжа хмыкнул.

– Что ж это я непонятное через непонятное объясняю! – опамя-
товался Сеницын. – Хомут – это несколько вытянутое деревянное
кольцо, охватывающее шею лошади и верхнюю часть её груди.
На войлочной подкладке, чтобы кожу не натереть. А оглобли – две
жердины. Каждая из них одним концом крепится к хомуту, а другим –
к передней оси тележных колёс. Но! – И профессор взмахнул рукой.

– В каком смысле – «но»? – переспросил Серёжа.

– В том, что возница понукает лошадь, велит ей идти вперёд:
«Но!» Та, конечно, слушается хозяина, начинает переступать ногами,

давит грудью на хомут, движение через оглобли передаётся колёсам, и тяжело нагруженная телега едет! Всё быстрее и быстрее! Но...

– Хозяин опять понукает лошадей! – сообразил Серёжа.

– Нет, – поправил его Синицын, – на этот раз «но» было в другом смысле. Итак, телега едет, но, если оглобли плохо скреплены с хомутом, вся система развалится. Ты только представь себе: лошадь – отдельно, телега – отдельно... Чтобы подобной неприятности не случилось, и нужны гужи – кожаные петли на хомуте, которыми его соединяют с оглоблями. Гуж – очень важная деталь. Такая важная, что лошадиный транспорт назывался гужевым. Итак, поехали дальше. Затянуть гужи как следует мог только очень сильный – то есть дюжий – человек. Так и возникло устойчивое выражение «взялся за гуж, не говори, что не дюж» – приняв на себя добровольные обязательства, нельзя отступать перед трудностями, ссылаясь на слабость или неблагоприятные обстоятельства.

– Ясно, – кивнул головой Серёжа.

Хлопнула дверь кабинета. Удовлетворённо потирая ладони, вышел академик Пятитомов.

– Ну, вот и разобрался вроде со всеми делами!

– Как говорится, – улыбнулся профессор, – старый конь борозды не испортит.

– Да уж, – кивнул академик, – я старая рабочая лошадка.

Во весь опор

«Интересно получается, – задумался Серёжа, – вроде бы речь идёт о лошади или коне, а как подумаешь – о человеке... Ну да ладно. – И он поглядел на часы. – Мне бежать пора».

– Что ж это ты, – крикнул дедушка вслед ринувшемуся в прихожую внуку, – топчешься, как конь?

– Никакой я не конь! – отозвался Серёжа. – Просто чуть не забыл об одном важном свидании, надо теперь лететь во весь опор. Некогда мне разговор продолжать.

– Тем не менее, – снова подключился профессор Синицын, – ты именно его и продолжаешь. Ведь что значит «во весь опор»? Это описание одного из лошадиных аллюров: скача галопом, лошадь сначала опирается на обе задние ноги, потом – на обе передние. Вот тебе и весь опор... Но раз спешишь – удачи тебе. Надеюсь, ты сегодняшней нашей беседы не забудешь, как-нибудь пригодится. А то учат тебя, учат – и всё не в коня корм.

Во всю ивановскую

– Я уже вернулся! – крикнул Серёжа, возвратившись со свидания.

– В чём дело? – выскочил из кабинета академик. – Мы, конечно, рады, но почему ты вопишь во всю ивановскую?

– Если ты имеешь в виду нашу улицу, – снизил тон заинтригованный Серёжа, – то так и сказал бы: «На всю улицу Карбышева». А если квартиру, то надо было бы сказать: «На всю пятитомовскую».

– Но ты вопишь именно во всю ивановскую. К сожалению, – вздохнул дедушка.

– Есть в Московском Кремле, у колокольни Ивана Великого, Ивановская площадь, – снизошёл до объяснений профессор. – В стародавние времена дьяки оглашали здесь во всеуслышание важные указы. А чтобы распоряжения действительно дошли до всех и каждого, кричали они на Ивановской площади очень громко, что есть сил. Во всю ивановскую.

– А иногда, – подхватил академик, – служилые люди попадали на Ивановскую площадь вовсе не для выполнения своих обязанностей. Тех, кто уличён был во взятках и лихоимстве, выводили сюда под охранной на позор, увешанных украденными или полученными в качестве мзды вещами: мехами, шубами, солёной рыбой – это уж кто чем брал. Да притом ещё и били уличённых управленцев кнутами и батогами. Тут-то дьяки вопили ещё громче, чем при публичном оглашении царских указов. Хочешь знать, как они кричали? А вот так: во всю ивановскую. Вопияли диким гласом.

Все дороги ведут в Рим

Профессор Синицын совершил удачный жилищный обмен и пригласил академика с внуком на новоселье. Настала оговорённая дата, и двое Пятитомовых отправились в путь, надеясь успеть к условленному времени.

Вышли из-под земли на станции метро «Площадь Восстания». Академик в очередной раз взглянул на бумажку с адресом и решительно двинулся вперёд. Потом повернули налево. Ещё раз налево. Пересекли одну улицу. Другую...

– Давненько не посещал я этот район, – бурчал дедушка, – всех-то дорог у меня – в университет и обратно. Как бы не заблудиться. Может, спросим у кого?

– Сами найдём! – не согласился азартный Серёжа.

– Как? – засомневался академик.

– Очень просто. Знаешь ведь поговорку: все дороги ведут в Рим. Как-нибудь доберёмся до цели.

– В наши дни, – кивнул дед, – это выражение употребляется именно в таком смысле, переносном. А в древности он был самым прямым, буквальным. Представь: город Рим – центр огромной Древнеримской империи. Чтобы вовремя доставлять в столицу подати, чтобы курьерская связь работала исправно, чтобы воинские отряды могли быстро перебрасываться в провинции в случае бунта, римляне строили большие дороги. Эти пути шли, само собой разумеется, из Рима. И вели, естественно, в Рим. Наш случай совсем другой. Теперь дороги ведут куда захотят. Ох, заблудимся! Нужно всё-таки обратиться за помощью.

– Поищем ещё немного сами, – упорствовал Серёжа, – время есть. А ты пока что-нибудь расскажешь, чтобы скучно не было. У тебя интересно получается.

– Изволь, – сразу согласился польщённый дедушка. – Перенесёмся из глубокой древности в более близкую к нам, хотя и отдалённую эпоху. 1812 год. Город Вильно. Теперь его называют Вильнюсом, и он в Литве, а тогда был на западе России. На переговоры с Наполеоном, вторгшимся в наши пределы...

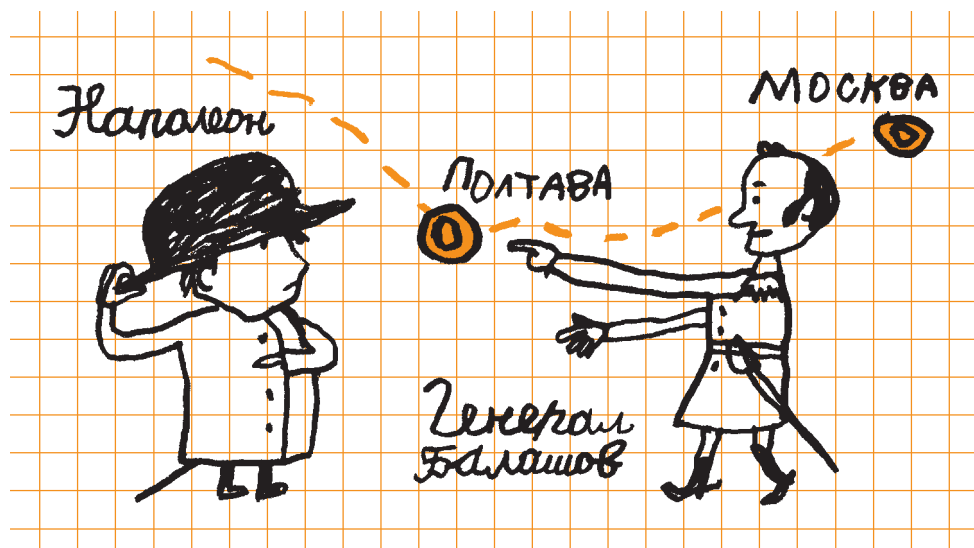
– А Васька слушает, да ест, – вспомнил Серёжа.

– Молодец, цитата весьма уместна. Так вот, на переговоры с Бонапартом был отправлен генерал Александр Дмитриевич Балашов с собственноручным письмом Александра I. В нём наш монарх предлагал решить дело миром – в том, конечно, случае, если французы уберутся из России. Приняли Балашова не очень гостеприимно. Несколько дней дожидался он аудиенции. Наконец, встреча была назначена. Наполеон ознакомился с посланием русского монарха и сказал: «Я не могу согласиться на предложение вашего императора. Если я что занял – считаю своим». Затем, пригласив Балашова к столу, осведомился, какой путь на Москву будет проще и безопасней: к чему проливать лишнюю кровь с обеих сторон? И тут остроумный Балашов, перефразируя древнеримское изречение, сказал свою историческую фразу: «Все пути на Москву ведут наших противников в Полтаву!»

– Я понял! – обрадовался Серёжа. – Это значит, что каждый, кто захочет завоевать Россию, потерпит сокрушительное поражение – как шведы под Полтавой!

– Умница, – похвалил внука дедушка. – Именно так: все пути ведут... Смотри!

Серёжа поднял голову и в свете фонаря прочёл на указателе: «Полтавская улица». То самое название, которое было записано на бумажке с адресом! Нашли! Добрались! Не опоздали! Ура! Все дороги ведут в Рим!

Всерьёз и надолго

Серёжа Пятитомов пришёл из школы сердитый и смущённый.

– Что нового? – спросил его дедушка, оторвавшись от совместной с профессором Синицыным работы.

– На географии спросили, как называется столица Аргентины. Я возьми и ответь: «Рио-де-Жанейро».

– Вот уж действительно новость так новость! – рассмеялся профессор. – Плоховато ты знаешь историю.

– При чём тут история? – удивился внук. – Речь ведь про географию.

– А вот при чём, – вступил в разговор профессор. – Тут целая история с географией. 1 января 1502 года португальский мореплаватель Гашпар ди Лемуш ввёл своё судно в южноамериканский залив Гуанабара. Но португальцы приняли его за устье реки и называли по дате открытия – Рио-де-Жанейро, то есть «река января». Основанному здесь городу дали такое же имя. Позже он стал столицей Бразилии.

– Теперь, – добавил дедушка, – героем рассказа становится испанец Педро де Мендоса. В 1536 году на берегу залива Рио-дела-Плата, тоже в Южной Америке, он основал город и назвал его в честь святой, которая считалась, кроме всего прочего, покровительницей моряков. В переводе с испанского полное имя города звучало так: порт Богоматери Санта-Марии, посылающей добрый ветер. Конечно, такое длинное имя никто не произносил. Ограничивались последними двумя словами. «Добрый ветер» по-испански...

– Буэнос-Айрес! – не дал ему договорить Серёжа. – Столица Аргентины! Теперь-то я вспомнил и запомнил!

– Надеюсь, всерьёз и надолго, – сказал академик Пятитомов.

Внук кивнул и ушёл в свою комнату.

– Вообще-то, – покачал головой профессор, – не вполне это правильная в данном случае формулировка: «всерьёз и надолго».

– Почему? – не сразу понял академик, но тут же сообразил, что имел в виду коллега.

Придя в 1917 году к власти, большевики стали проводить политику «военного коммунизма», которая привела страну на грань краха.

Чтобы избежать его, в 1921 году они ввели НЭП, новую экономическую политику, допускающую в социалистическом хозяйствовании элементы свободного рынка. Выступая на IX Всероссийском съезде Советов, В. И. Ленин сказал: «Эту политику мы проводим всерьёз и надолго...» Историческое ленинское изречение сразу же сделалось крылатым. И как-то совершенно забылось его окончание: «...но не навсегда». И действительно: не прошло пятнадцати лет, как НЭП отменили...

Академик Пятитомов встал из-за рабочего стола и быстрым шагом отправился в комнату внука. Оттуда донеслось: «Небольшое уточнение, Серёжа. Мы надеемся, что ты запомнил имя аргентинской столицы всерьёз и навсегда».

Всё своё ношу с собой

– Почему, Серёженька, у тебя рюкзак такой тяжеленный? – спросил академик Пятитомов у внука, отправляющегося в школу.

– Ясное дело, – буркнул тот, – учебники, тетради, бутерброды, которые мама приготовила, ещё кое-что. Много есть необходимых вещей. Как говорится, всё своё ношу с собой.

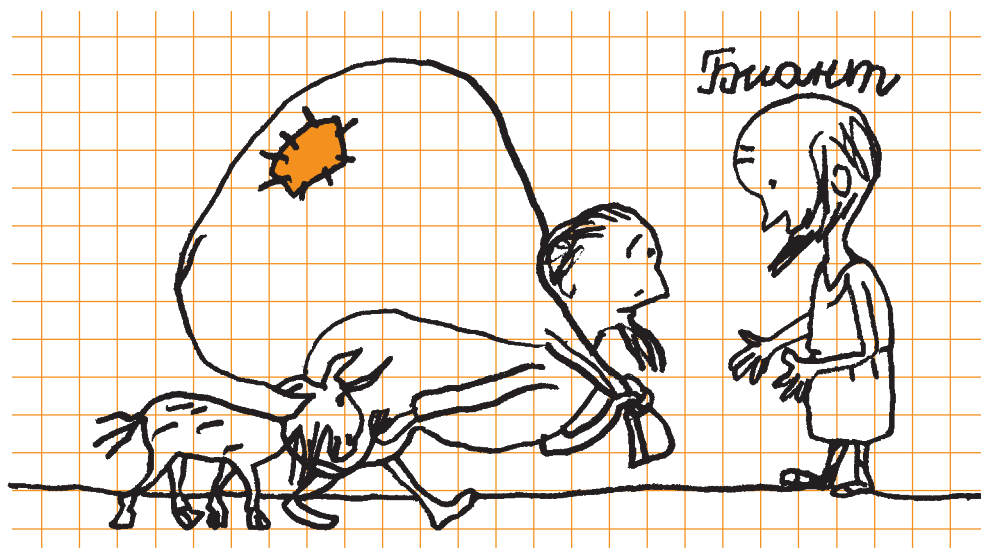
– Про это ли говорится? – засомневался профессор Синицын, уже пришедший, несмотря на ранний час, к соавтору.

– Про что же ещё? – удивился Серёжа.

– В Древней Греции, на восточном побережье Эгейского моря, на мысу Микале, красовался когда-то замечательный город Приена, – задумчиво произнёс академик.

– Ну и что? – спросил внук.

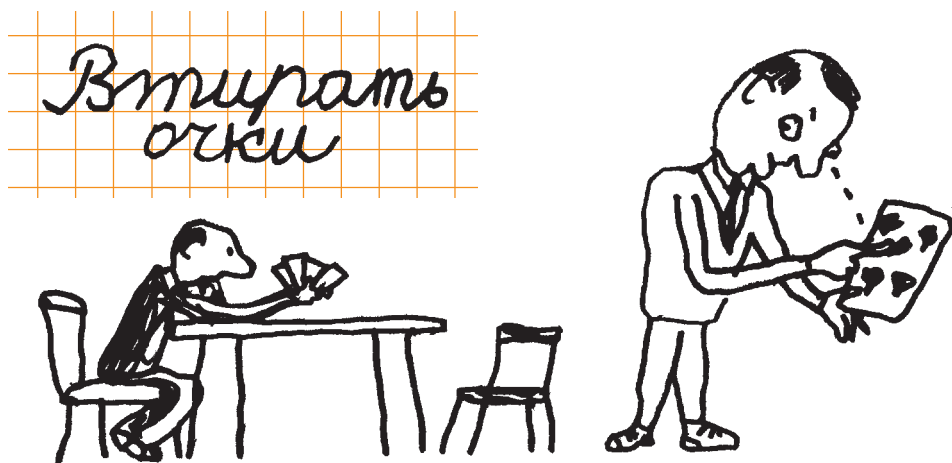
– А то, – подхватил нить разговора профессор Синицын, – что он был расположен на вершине большой горы. Вниз спускались улицы-лестницы; на уступах-террасах стояли храмы, посвящённые Афине и Зевсу, театр, стадион, две гимназии, рынки. А ещё Приена славилась своим водопроводом. В общем, город процветал и был очень привлекательным и для жителей, и для соседей. Ко-

нечно, видя такую привлекательность, соседи не сидели сложа руки. В IV веке до нашей эры на Приену напали персы. Спасаясь от захватчиков бегством, горожане, естественно, постарались унести как можно больше пожитков. И только один человек, мудрец Биант, уходил налегке. Кто-то спросил у него: «Почему ты не взял никаких вещей?»

– Всё своё ношу с собой, – ответил за Бианта академик. – Философ имел в виду, что подлинной ценностью для него всегда был и остаётся не домашний скарб, а умственный и духовный багаж. Хочется надеяться, что именно его ты, Серёжа, и обретёшь в процессе школьных занятий.

– Если только не опоздаю на уроки из-за всех этих разговоров, – ответил внук и стремглав бросился вниз по лестнице с тяжеленным рюкзаком за плечами.

Ближе к вечеру академик Пятитомов и профессор Синицын, притомившись, решили дать отдых натруженному мозгу. Профессор предложил сыграть в шашки.

– Давненько не брал я в руки шашек, как бы не проиграть, – сказал академик, протирая стёкла очков.

– Уж ты-то не проиграешь, – отозвался профессор, – не втирай мне очки!

– Дедушка не втирает очки, а протирает, – возразил давно уже вернувшийся из школы Серёжа. – Он так лучше будет видеть.

– Устойчивое выражение «втирать очки», – усмехнулся Синицын, – не имеет никакого отношения к тем очкам, которые корректируют зрение. Оно имеет отношение к игральным картам. Скажем,

на шестёрке червей нарисованы шесть красных сердечек; следовательно, и стоять она в игре будет шесть очков. А если как-нибудь изловчиться и пририсовать седьмое сердечко, незаметно втереть его измазанным в краске пальцем, получится семёрка – и стоять карта будет уже семь очков. Когда-то карточные жулики, шулера, нередко прибегали к таким уловкам. Опасное, конечно, занятие, если попадёшься. А если нет – доходное.

– Так вы хотите сказать, что дедушка способен жульничать? – изумился Серёжа.

– Вовсе нет, – успокоил внука академик. – С годами выражение далеко ушло от первоначального смысла, и теперь «втирать очки» означает лукавить, создавать видимость. Но и тут коллега не прав: я действительно в шашки давным-давно не играл. Лучше для отдыха газету почитать.

Газетная утка

Синицын иронически скривился:

– Не люблю я нынешнюю прессу. В ней не разберёшь, где правда, а где утки. Круглый год – первое апреля, никому не верю!

Серёжа заинтересовался, стал листать лежавшую на столе газету и через несколько минут недоумённо пожал плечами:

– Что вы такое говорите? Нет тут никаких птиц!

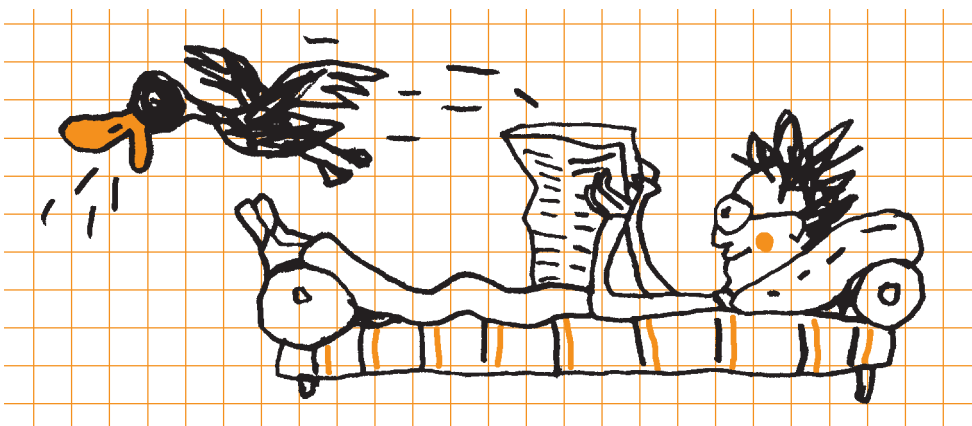
– Газетная утка, – рассмеялся дедушка, – порождена не водоплавающими пернатыми. Скорее немецким языком...

– Скорее латинским, – уточнил профессор.

– Ими обоими, – ушёл от спора академик и продолжил: – Журналисты всегда гонялись за сенсациями. Ещё бы: чем информация неожиданнее, тем больше будет читателей, выше тираж! Но ведь стыдно, если уличат во лжи. Поэтому сомнительные сведения печатать печатали, однако обязательно снабжали специальной пометкой из двух латинских букв: N. T.

– Под этой аббревиатурой, ты ведь уже знаешь, что такое аббревиатура, – добавил профессор, – скрывалось латинское выражение *non testatur* – «не проверено».

– N. T.! – подхватил академик. – Звучит как «энте»! А в переводе с немецкого «энте» – «утка»! Поэтому и повелось подобные со-

общения называть в шутку именем водоплавающей птицы. А потом помечать сомнительную информацию перестали, и нынешняя молодёжь даже слов таких – газетная утка – не знает... Ну ладно, перерыв окончен! – И он со значением поглядел на часы.

Гвардия умирает, но не сдаётся

В воскресенье академик Пятитомов, Серёжа и профессор Синицын отправились в загородный поход. Решено было доехать до Тарховки, а дальше – пешком, есть там у озера Разлив одна полянка, как нельзя лучше подходящая для зимнего пикника...

Доехали. Двинулись пешим ходом.

Серёжа шёл бодро. Профессор, никогда не забывавший делать зарядку, тоже без труда поддерживал взятый темп. А вот академик, физическими упражнениями пренебрегавший, скоро запыхался и тащился еле-еле.

– Может быть, пора устроить привал? – участливо спросил Синицын.

– Нет! – упрямо ответил Пятитомов – Решили дойти до полянки, значит, дойдём. Гвардия умирает, но не сдаётся!

– Какая гвардия? – заозирался Серёжа.

– Наполеоновская, – пояснил профессор.

– Те слова, – задыхаясь на ходу, сказал академик, – которые произнёс я...

– Не ты, а генерал Камбронн, – перебил его Синицын.

– Ну да, Пьер Жак Этьен Камбронн, командовавший в сражении при Ватерлоо так называемой старой гвардией Бонапарта, состоявшей из самых испытанных бойцов... – согласился Пятитомов и замолчал, пытаясь выровнять дыхание.

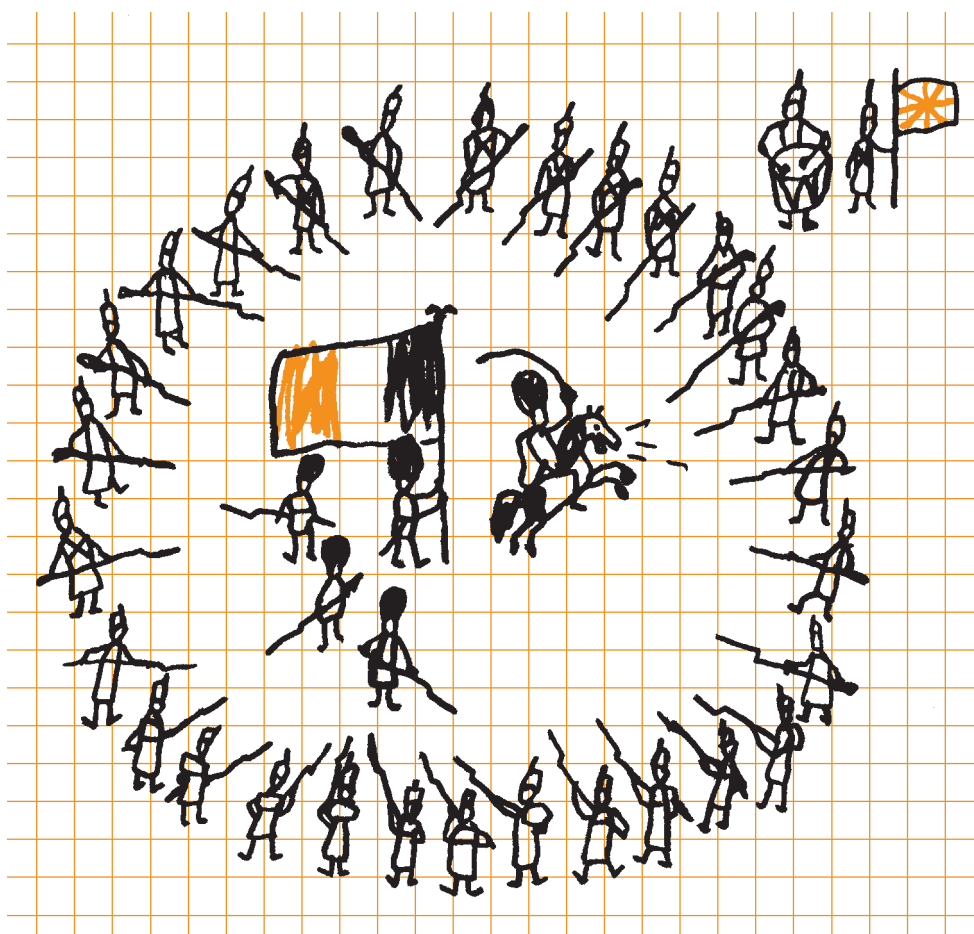
А профессор продолжил за него ровным лекторским голосом:

– Самое время чуть подробнее поговорить о битве гигантов – помнишь, Серёжа, о такой?

Тот кивнул на ходу.

– Ну так слушай. Поняв, что победа ускользает, Бонапарт ввёл в бой свой последний резерв – десять батальонов старой гвардии. Но было уже поздно. Превосходящие силы англичан окружили французов и предложили сдаться. Вот тут-то Камбронн и воскликнул...

– Гвардия умирает, но не сдаётся! – воскликнул академик и повалился на снежок заветной полянки. – Дошли!

Где раки зимуют

В один прекрасный день Серёжа вбежал в квартиру, едва переводя дух.

– В чём дело? – осведомился дедушка.

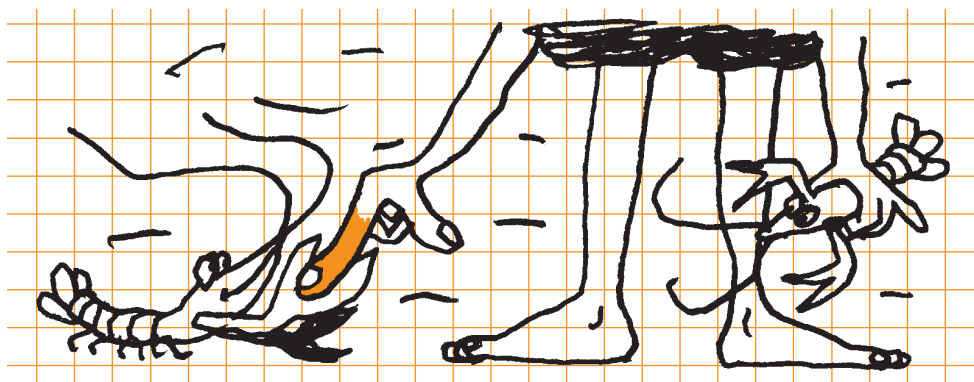
– Мы с Витей Воронковым и Леной Здравомысловой, – ответил внук, – играли в снежки. Случайно попали в какого-то большого парня. А он как бросится к нам – и кричит: «Вы у меня узнаете, где раки зимуют!» Ну, мы врассыпную. Еле убежали.

– В следующий раз цельтесь получше, – посоветовал профессор. – И на глаза тому парню старайтесь не попадаться.

– Тем более что, где зимуют раки, – добавил академик, – можно узнать и от меня. Даю справку: когда наступает зимний холод, они забираются в реках под коряги.

– И замерзают там насмерть? – испугался Серёжа.

– Ничего подобного, – успокоил его профессор Синицын. – Они впадают в анабиоз: состояние, во время которого все биологические процессы в организме сильно замедляются или полностью прекращаются. Станет потеплее – рак из анабиоза выйдет как ни в чём не бывало.

– И что ж тут такого страшного?

– Для раков – ничего, – согласился дедушка, – а вот для человека... Во времена крепостного права некоторые помещики-самодуры заставляли крестьян лютой зимой поставлять раков к барскому столу. Приходилось несчастным поставщикам ходить по колено в ледяной воде. Я считаю, что именно так возникло обсуждаемое нами выражение угрозы. А ты? – обратился академик к задумавшемуся Сеницыну.

– Раков очень хочется, – вздохнул профессор, глядя на покрытое зимней изморозью окно.

Геростратова слава

Академик Пятиотов выскочил из своего кабинета бледный как смерть.

– У меня на столе, – кричал он, всплёскивая руками, – лежал листок, на котором я записал недавние свои размышления! И где же он?

– Такой неровный обрывок бумаги, что ли? – покраснел академический внук. – Я думал, он ненужный, и сделал из него самолётик.

– Вандал! – возопил академик.

– Ты бы не кричал, а помог поискать листок, – стал шарить по полу профессор Сеницын. – Не мог самолётик далеко улететь: окна-то закрыты. Только пугаешь ребёнка незнакомыми словами.

– Пусть познакомится! – не унимался дедушка. – Древнегерманское племя вандалов вторглось в Рим в 445 году. Эти невежествен-

ные дикари четырнадцать дней грабили и уничтожали город великой культуры, непонятной им. Воинствующие невежды, разрушители – вот кто такие вандалы!

– Я думал, ты меня похвалишь за то, что я ненужную бумажку убрал, – чуть не плакал Серёжа.

– Он ещё надеялся на похвалу! – схватился за голову академик. – Вот и сподобился геростратовой славы!

– Какой-какой? – переспросил Серёжа.

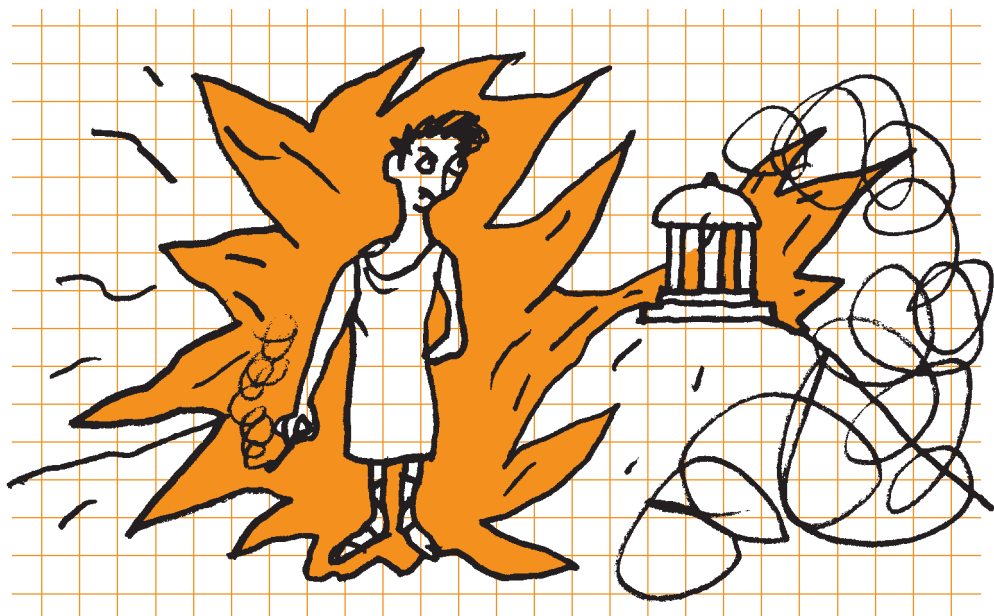
– Геростратовой! – ответил дедушка. – Примерно за восемьсот лет до того, как вандалы разграбили Рим, в 356 году до нашей эры, греческий пастух Герострат поджёг в родном городе Эфесе замечательный храм, посвящённый богине Артемиде. Это строение почиталось древними греками как одно из семи чудес света.

– Зачем же он его так? – удивился Серёжа.

– Герострат надеялся таким образом сохраниться в памяти соотечественников и потомков – других-то способов достичь этого у него не было. И надо сказать, в некотором смысле достиг желаемого. Две с половиной тысячи лет устойчивое выражение «геростратова слава» означает славу позорную!

– Дорогой коллега, я нашёл твой листок! – крикнул в это время из-под дивана профессор. – С ним всё в порядке!

И учёные, оставив ребёнка в покое, отправились обратно в кабинет.

Д

Дарёному коню в зубы не смотрят

В день своего рождения Серёжа притащил из школы большой полиэтиленовый мешок подарков, вывалил его содержимое на письменный стол и принялся разбирать.

– Ого, – восхитился профессор Синицын, – сколько тебе всякой всячины подарили! И каковы впечатления?

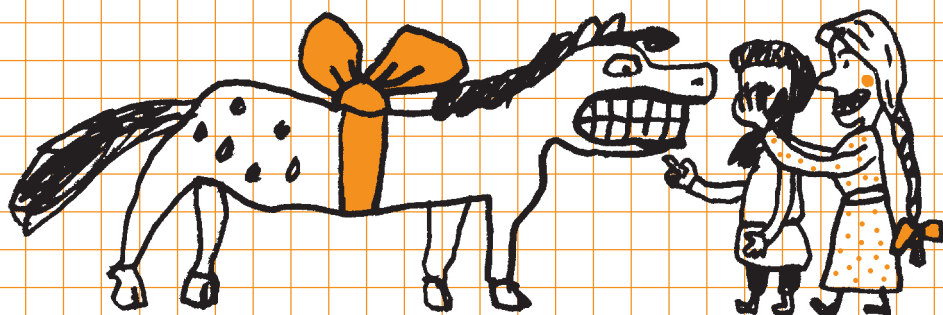
– Просто отличные! От Аркаши Петрова – компакт-диск, от Милы Кручининой – книжка. Ну, и так далее. Только Леночка Здравомыслова какой-то странный подарок придумала, – Серёжа неодобрительно хмыкнул.

– Дарёному коню в зубы не смотрят, – наставительно сказал дедушка.

– Вот и не угадал, – отмахнулся внук. – Не конь, а бегемот. Совершенно беззубый. Резиновый. Зелёный.

– Суть не в породе животного и даже не в его цвете или относительной зубастости, – объяснил профессор, – а в том, что в былые дни, выбирая лошадь, покупатель обязательно проверял её зубы: чем животное старше, тем сильнее они стёрты и повреждены. Шкуру можно жиром намазать, чтобы блестела по-молодому, гриву расчесать, в хвост ленты вплести, а с зубами примета верная, тут уж не обманут. Но если коня тебе дарят, выбирать не приходится. Бери что дают.

– Как говорится, не подарок дорог, а внимание, – подытожил академик. – Большое Леночке спасибо за беззубого зелёного резинового бегемота.

Делу время,
потехе час

День рождения не день рождения, а домашние задания – домашние задания.

– Делу время, потехе час, – сказал академик внуку, припавшему к компьютерной стрелялке.

– Я ещё и сорока минут не играю, – обиженно ответил Серёжа, не отрывая глаз от экрана.

Дедушка лишь руками развёл. В беседу вступил профессор Синицын:

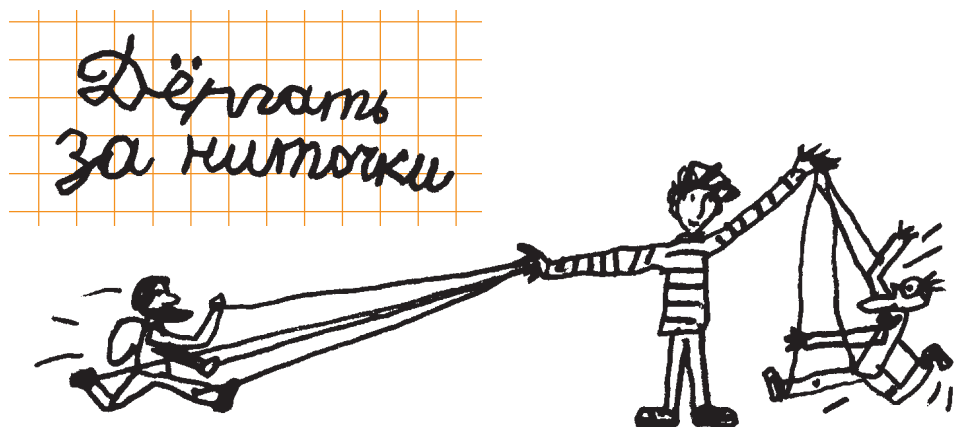

– Такая аргументация никуда не годится. И вот почему. В 1656 году, при царе Алексее Михайловиче, были изданы правила соколиной охоты. Монарх, видимо, читал эту книгу внимательно – на её полях сохранилась его собственноручная приписка: «Делу время и потехе час». Но он и думать не думал противопоставлять «время» и «час», не имел в виду, что на потеху следует отводить ровно шестьдесят минут! Он вот что хотел сказать: для любого занятия есть своя наиболее подходящая пора – и для потехи, то есть охоты, и для дела, то есть исполнения основных обязанностей. Основная обязанность школьника – учиться. И теперь для этого наступило как раз подходящее время. И что же из этого следует?

– Что можно ещё немного поиграть, – откликнулся Серёжа. – По русскому у нас задание такое: разобраться в происхождении и смысле устойчивого выражения «делу время, потехе час». Так что одно дело готово.

Академик развёл руками, не зная, что сказать.

– Бух-бах-тарабах! – сказала стрелялка.

Серёжа простудился. Не так чтобы сильно – чуть-чуть. Но гулять его всё равно ни за что не отпускали. Правда, разрешили валяться на диване в кабинете, где трудились дедушка и профессор. Но ведь всё равно скучота!

– Дед, а дед, – сказал хитроумный Серёжа, – ты ведь сам всегда говоришь, что, если вести неподвижный образ жизни, можно совсем обезножить.

– У тебя насморк, – отмахнулся академик.

– Да, – пробормотал внук как бы про себя, – если бы не почтение к старшему коллеге, профессор Синицын наверняка отпустил бы меня гулять. Но он трепещет перед академическим научным авторитетом...

– Молодой человек, не пытайтесь дёргать нас за ниточки, – усмехнулся профессор.

– Что ещё за ниточки? – отвлёкся от основной темы Серёжа.

– Обыкновенные ниточки, – отозвался дедушка. – Те самые, которые привязаны к ногам, рукам и другим частям тела кукол-марионеток. Кукловод дёргает за ниточку – кукла двигает ногой. Дёргает за другую – машет рукой.

– История театра марионеток, – добавил профессор, – уходит корнями в глубокую древность. И выражение «дёргать за ниточки»,

то есть пытаться управлять, руководить, добиваться своего, – тоже. Но мы с академиком не марионетки.

– Так что лежи себе и молчи, – подытожил дедушка. – А то совсем разболеешься.

Когда Серёжа окончательно выздоровел, решили в выходной отправиться втроём на лыжную прогулку. Покатались от души. На обратном пути Серёжа попросил остановки:

– Видите, до чего меня довёл неподвижный образ жизни? Кажется, я дошёл до ручки. И есть очень хочется.

Академик раскрыл рюкзак и достал из него калач – белую булку в форме замка с дужкой.

– Я подобное развитие событий предусмотрел. Подкрепись, замори червячка.

– Вот так – немытыми руками? – удивился приученный к соблюдению гигиены Серёжа.

– Так это ж калач! – сказал дедушка. – Очень удобная для таких случаев еда. Её в давние времена недаром выдумали. Берёшь за дужку, или, иными словами, за ручку, и ешь. Но, доев до дужки, саму её скармливали бездомным животным, если рука была немытая.

– А про того, кто, дойдя до дужки, и её тоже съедал, – подхватил профессор, – говорили, что он дошёл до ручки. То есть уж так изголодался, в такое сложное положение попал, что плохи его дела.

Под эти разговоры Серёжа утолил голод. Дужку, то есть ручку калача, искрошил птицам, и троица двинулась дальше под их благодарное чириканье.

Доколе, Катилина...

Академик Пятитомов и профессор Синицын трудились над очередной статьёй. Из соседней комнаты опять доносился шум. На этот раз – громкая музыка. Мысли из-за неё разбегались.

– Не внук у меня, а горе, – наконец сказал, выбираясь из кресла, хозяин кабинета. – Попрошу его приглушить звук.

– Толку-то? – махнул рукой профессор. – Мы и вчера просили, и позавчера. А он всё равно... Придётся как-нибудь приспособиться.

– Нет уж, – решительно возразил Пятитомов, – пусть он приспосабливается.

И учёные двинулись к комнате академического внука. Распахнули дверь. Перекрикивая музыку, дедушка возгласил:

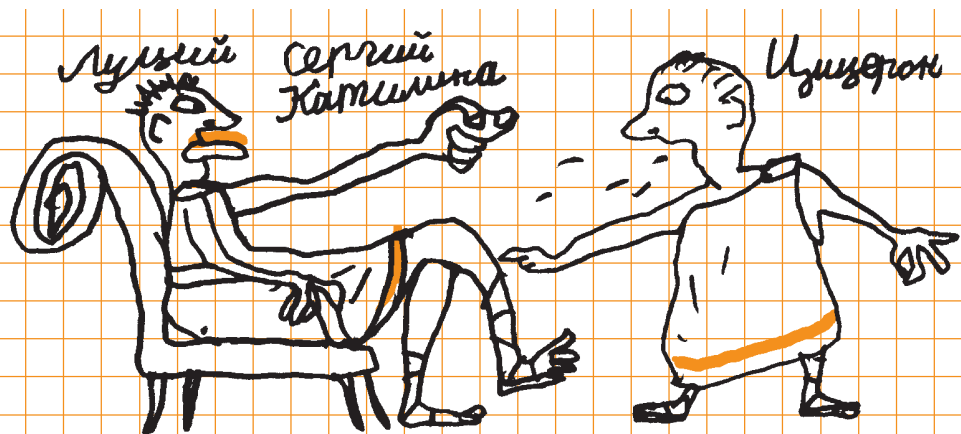
– Доколе, Катилина...

– Что с тобой, дед? – встревоженно отозвался внук. – Нет тут никакой Катилины. Здесь только я, Серёжа. Я тут живу.

– Да знаем мы, что ты Серёжа, – успокоил молодого человека профессор. – А Луций Сергей Катилина жил в Риме в I веке до нашей эры. Был политическим деятелем. Характер имел несносный, всё шумел да шумел. Никак не хотел утихомириться.

– Как же это ему с рук сходило? – удивился Серёжа.

– Он был из очень уважаемой и приличной семьи, – объяснил профессор. – Поэтому поначалу его только увещевали. До поры до времени. Потом, конечно, казнили. А до того самые резкие обличительные речи против Катилины произносил великий оратор Марк Туллий Цицерон. Например, он говорил...

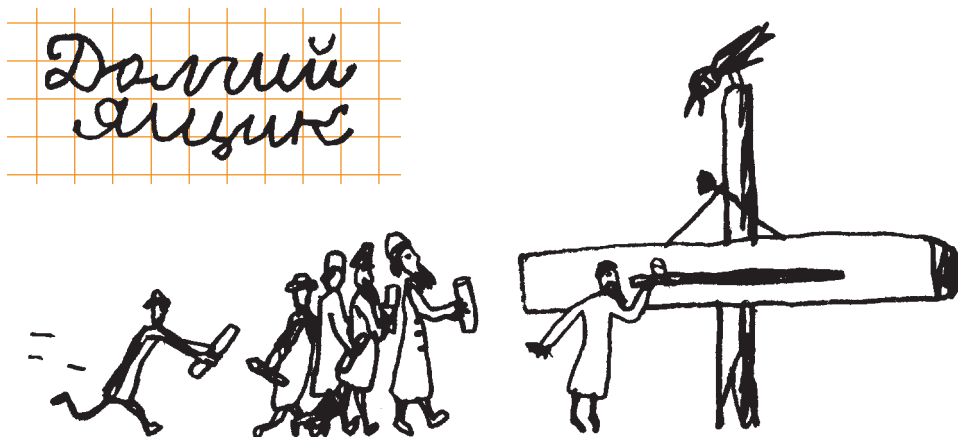

Академик прервал соавтора, сильнее прежнего возвысив голос:

– Доколе, Катилина, будешь ты злоупотреблять нашим терпением? До каких пор ты будешь глумиться над нами? Где предел твоей необузданной дерзости?

– Да ладно вам, – вздохнул Серёжа, – сейчас выключу, только песню до конца дослушаю.

– Очень хорошо, – успокоился дедушка, – но не откладывай дела в долгий ящик.

– Что ж это за ящик такой? – под грохот барабанов ударной установки спросил Серёжа.

– Этому ящику уже больше трёх с половиной веков! – прокричал академик. – В 1645 году, когда Россией начал править царь Алексей Михайлович...

– Который «делу время», – вспомнил внук.

– Тот самый, и к тому же «потехе час». Так вот, с началом его правления ввели такой порядок подачи прошений государю: на столбе у входных ворот в царский дворец в селе Коломенском, что под Москвой, прибили большой продолговатый ящик. Туда и следовало опускать челобитные. Царя за незлобивый его характер прозвали Тишайшим, а ящик за продолговатую форму – долгим.

– Не только за форму, – подхватил профессор. – Путь до Коломенского был долг, а путь прошений из ящика к государю – ещё дольше. Поэтому и стали говорить: «Нескоро дождётся решения тот, кто положит дело в долгий ящик». Бюрократия! Ясно?

– Ясно, – откликнулся Серёжа и, не откладывая дела в долгий ящик, выключил проигрыватель. Потому что песня кончилась.

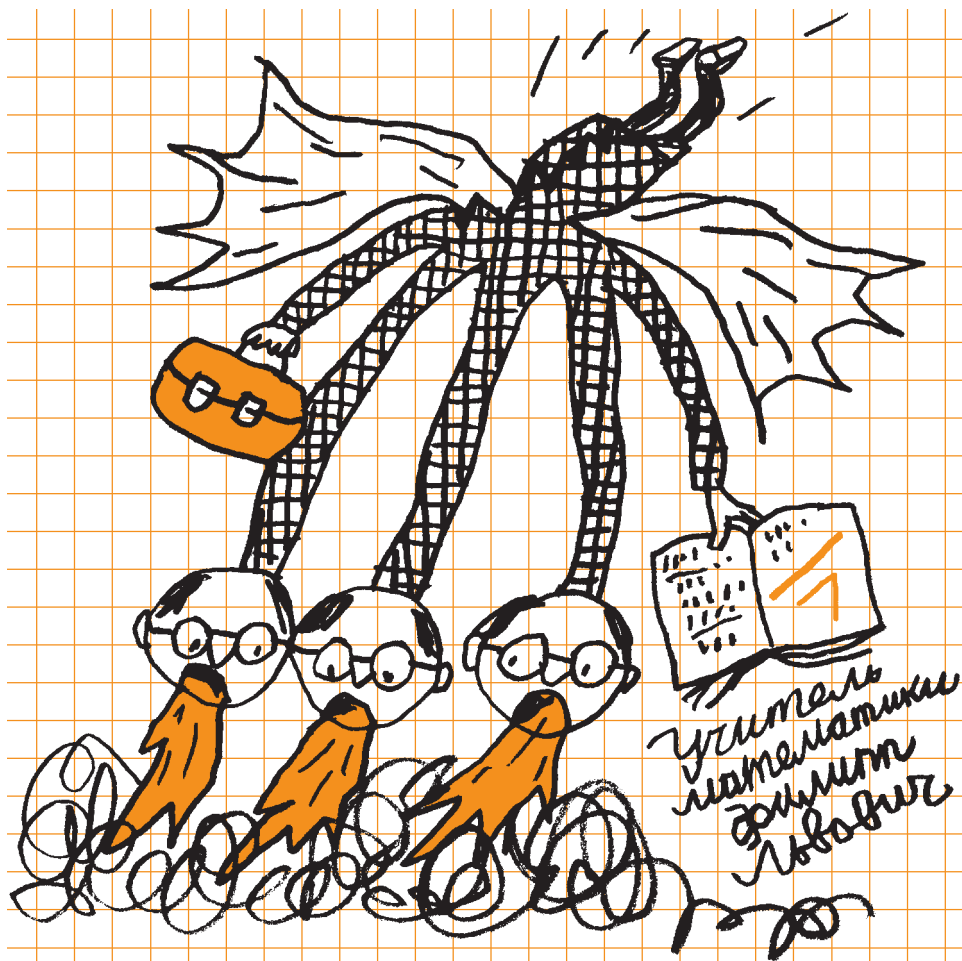
Драконовские законы

Следующий школьный день ничего хорошего Серёже не принёс. Наоборот – он принёс из школы кол.

– Всего-то и дел, – пожаловался Серёжа, – что какую-то дурацкую задачку не решил. А Филипп Львович сразу: «Единица. Ничего не поделаешь, таков закон».

– Строгие у вашего Филиппа Львовича законы, – сказал профессор Синицын. – Драконовские, иначе не назовёшь!

Точно! Серёжа представил себе учителя математики. Пиджак топорщится на спине костяным гребнем. Рукава вздымаются перепончатыми крыльями. Из клыкастого рта вырывается столб огня...

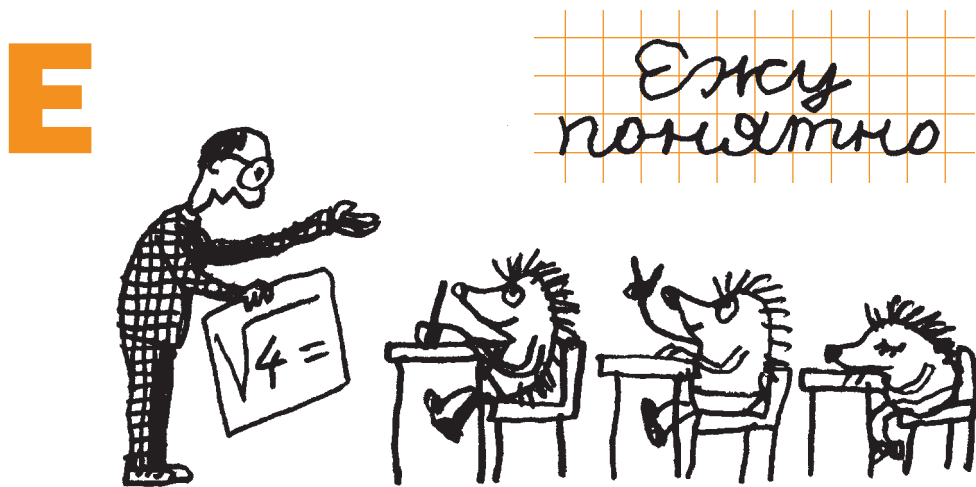

– Нет, три огненных столба, – вслух поправил себя Серёжа, – ведь голов-то – три.

– Речь вовсе не о том драконе, – сразу понял, о чём речь, профессор. – В 621 году до нашей эры было составлено первое писаное законодательство Афин, древнегреческого города-государства. Это только так говорится – «писаное»: оно было выбито на каменных досках. Законы эти отличались суровостью. Даже за кражу овощей назначалась смертная казнь. Автором афинского кодекса был законодатель Драконт. Его каменные доски не сохранились; от них осталось только выражение «драконовские законы». Потому что с годами буква «т» из имени выпала.

– И, между прочим, – подал голос дедушка, – установлениями Драконта карались лень и праздная жизнь. Так что садись за стол, и давай вместе решим злополучную задачку. Единицу нужно исправить, это тебе понятно?

– Это и ежу понятно, – не стал спорить Серёжа.

– Откуда тебе известно это устойчивое выражение? – чуть не хором удивились учёные.

– Так его же все знают, – в свою очередь удивился Серёжа.

– Приятно слышать, – сказал дедушка. – А что ты думаешь о его происхождении?

– Ну, наверное, ежи – они хоть и милые, но глупые, – предположил внук академика. – Если уж ежу что-то понятно, то другим лесным обитателям, медведям всяким и лисам, подавно.

Тут академик вновь удивил Серёжу, неожиданно сменив тему разговора. Мечтательно улыбаясь в седые усы, он ударился в воспоминания:

– В конце 60-х годов прошлого века учился я в физико-математическом интернате. В учебном заведении для особенно способных к точным наукам старшеклассников...

– И я, – ностальгически вздохнул профессор Синицын, – тоже в физико-математическом...

– Да, – небрежно кивнул академик Пятитомов, – их тогда много было. При этом школьникам предлагались разные программы обучения: одна стандартная, рассчитанная на год, другая – усложнённая, на целых два. Тех, кто учился по усложнённой, зачисляли в классы с литерами «А», «Б», «В», «Г», «Д». Тех, кто по стандартной, – с литерами «Е» и «Ж». Конечно, «абэвэгэдэйки» получали больше знаний, чем «ежи». И если им попадалась какая-нибудь лёгкая задачка, говорили: «Так это ж ежу понятно!» Я, конечно, учился в классе «А».

– А я в классе «Е», – признался профессор.

– В том-то и дело, – завершил разговор академик.

Серёжа сидел на диване и, листая страницы глянцевого журнала, только присвистывал:

– Ух ты! Арнольд Шварценеггер с женой развёлся! Ох ты! На Землю вот-вот упадёт гигантский метеорит!

– Эх ты! – вздохнул дедушка, расставляя на столе тарелки для обеда. – И угораздило же тебя увлечься жёлтой прессой!

– Бумага белая, буквы – чёрные. Что ж тут жёлтого? – возразил Серёжа.

– Жёлтый – мальчик, – сказал, нарезая хлеб, профессор Синицын.

– Я, что ли? – испугался академический внук.

– Не волнуйся, – успокоил его академик. – Ты нормального цвета: бело-розовый в чернильную крапинку. Жёлтым был мальчик, которого нарисовал в 1895 году американский художник Ричард Аутколт. Довольно дурацкие комиксы с участием парня в жёлтой рубашке печатались газетой The World, и тираж издания из-за них здорово вырос.

– Тогда, – подхватил профессор, – в некоторых других газетах тоже стали публиковать подобные рисованные истории. Разразился скандал: украли идею! Начались суды. В результате периодические издания, которые участвовали в разбирательстве по делу о жёлтом мальчике, стали именоваться с чьей-то лёгкой руки жёлтой прессой – низкопробной, падкой на дешёвую популярность... Стоит ли такую читать?

– Тем более что пора обедать, – вспомнил дедушка. – Прошу к столу!

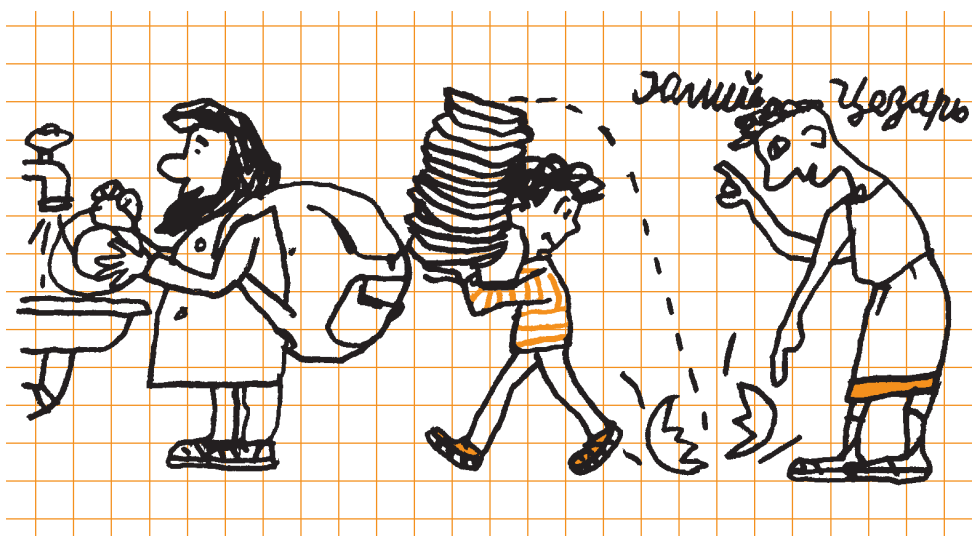
После еды разгорелся спор: кому мыть посуду. Проблему решил академик:

– Сегодня за посудомойку у нас будет профессор. Жребий брошен!

– Я, конечно, не против, – сказал Серёжа, – но, по-моему, ты неправильно выразился, дед. Никакого жребия мы пока ещё не бросали.

– В современном смысле ты прав, – вздохнул профессор, – но дедушка твой говорит в данном случае не как наш современник, а как Юлий Цезарь.

– В начале 49 года до нашей эры этот знаменитый полководец, наместник провинции Галлия, – продолжил профессор, – находился в мучительных раздумьях. Его конфликт с сенатом, высшей римской властью, становился всё более острым. Наконец, 10 января

военачальник решился, воскликнул: «Жребий брошен!» – и выступил в поход на Рим. И в результате одержал победу. Сделался верховным правителем страны.

– А выражение сделалось крылатым, – поставил точку академик, – и со значением «решение принято» дожило до наших времён. Разумеется, в речи образованных людей.

– Итак, дебаты окончены, – вновь вздохнул профессор, повязал фартук и намылил губку. – А вы подносите мне испачканную посуду.

3 За милую душу

– Да за милую душу! – отозвался академик и принялся собирать тарелки.

– За милую душу – это как? – спросил Серёжа, присоединяясь к дедушке.

– В наши дни это выражение означает «с большим удовольствием, охотно», – объяснил профессор-посудомойка. – А источник его возникновения таков. Если человека просили что-нибудь сделать не за награду, не под угрозой наказания, а просто так, к нему обращались особенно ласково, например: «Будь добр, милая душа!»

– Серёженька, – нежным голосом проворковал академик Пятитомов, – ангел ты наш, тащи-ка сюда ножи и вилки!

Что внук и сделал – за милую душу.

Заранее подготовленные позиции

Академик Пятитомов возвращался после университетских лекций. Уже почти дошёл до парадного, когда увидел мчащегося к дому Серёжу. За ним бежал Сидоров, довольно хулиганистый Серёжин одноклассник. Дедушка присел на скамейку у входа. Через минуту рядом плюхнулся убегающий от погони внук и тяжело задышал. Тут и профессор Синицын подоспел, тоже уселся. Сидоров сплюнул и отправился восвояси.

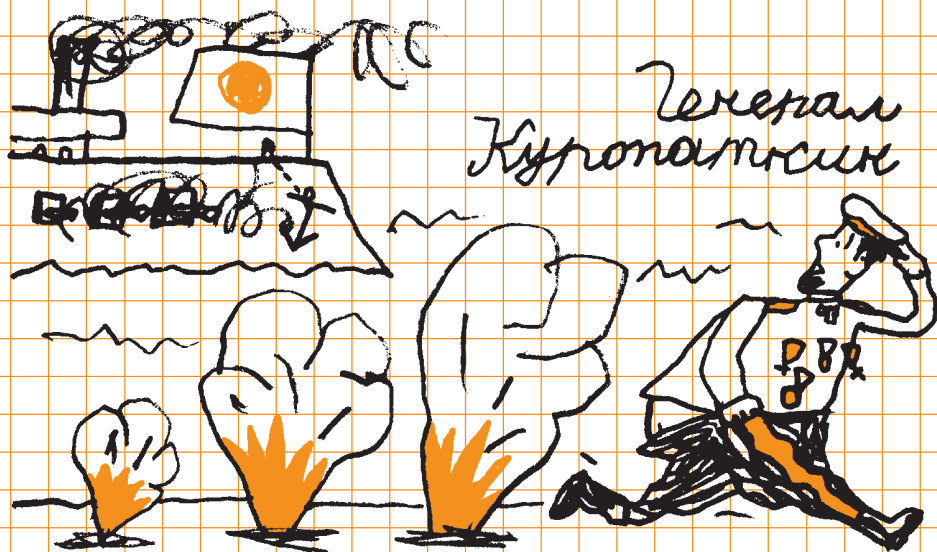
– Видели-видели, как ты драпал, – усмехнулся Синицын.

– Вовсе не драпал, просто домой спешил, – чуть покраснев, не согласился Серёжа.

– Отступал на заранее подготовленные позиции, – с явной иронией предложил свой вариант дедушка.

– Вот именно, – обрадовался внук, – это ты хорошо сказал.

– Не я и не очень хорошо, – вздохнул академик. – Так говорил в 1905 году во время Русско-японской войны главнокомандующий нашими войсками генерал Куропаткин.

– Всем казалось, что война с маленькой Японией, – подхватил профессор, – будет лёгкой и победной. Тем сильнее общество ошарашили известия о сокрушительных поражениях. Возмущение было особенно бурным из-за того, что репортажи командующего об очередных поражениях формулировались, мягко говоря, иносказательно: «Войска отошли на заранее подготовленные позиции». С тех пор эта фраза употребляется, когда речь идёт о попытке скрыть истинное положение вещей.

– Ничего, я этому Сидорову ещё покажу! – буркнул Серёжа. – Заседание продолжается!

Заседание продолжается

– Оказывается, – воскликнул академик, – ты не только «Золотого телёнка» читал, но и первую часть дилогии Ильфа и Петрова – «Двенадцать стульев»! Там Остап Бендер произносит эту фразу не раз и не два.

– Однако, – вмешался профессор, – не он её придумал. И даже не авторы романа. Давным-давно, в 1893 году, в Париже анархист Огюст Вайян бросил бомбу в зал палаты депутатов Национального

собрания Франции. Были раненые, началась паника. Не теряя хладнокровия, председатель собрания Шарль Дюпюи обратился к депутатам: «Господа, заседание продолжается. Дело чести для палаты и для Республики, чтобы подобные покушения не мешали нашей работе».

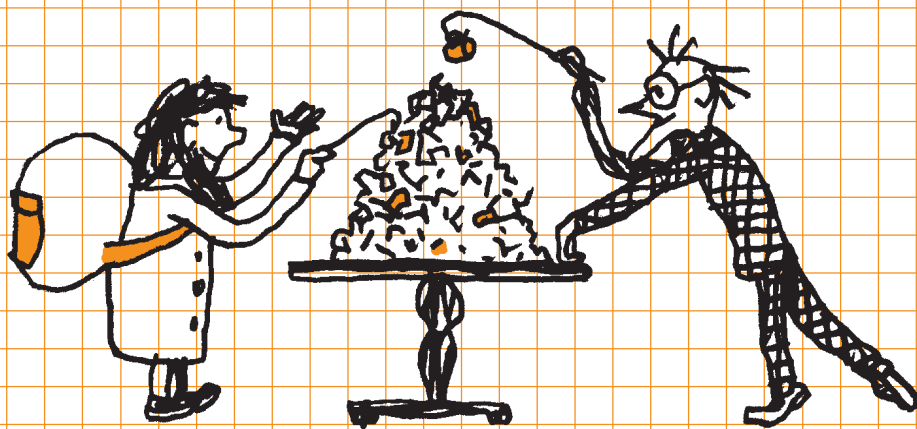
– С тех пор это изречение повторялось многими, – в справочном порядке уточнил академик. – Например, 6 июля 1918 года во время попытки левозэсеровского переворота, когда члены этой партии покинули заседание Пятого съезда Советов, его председатель Яков Михайлович Свердлов заявил: «Левые эсеры ушли. Заседание продолжается». То есть жизнь идёт своим чередом, ещё посмотрим, что будет дальше, – дедушка встал со скамейки. – Нечего нам рассиживаться, пора домой, нам с профессором надо к заседанию кафедры готовиться.

– Это тебе, – вздохнул Синицын, – не в бирюльки играть.

И Играть в Бирюльки

– А как в них играют? – заинтересовался Серёжа.

– Сейчас никак, – сказал дедушка, заходя в лифт. – А когда-то это была весьма распространённая старинная русская настольная игра. Набор для неё состоял из разных малюсеньких игрушечных деревянных предметов: стульчиков, молоточков, чашечек, чайничков.

Их горкой вываливали на стол. Каждый игрок получал специальный крючок. С его помощью надо было из кучки бирюлек вытаскивать по очереди одну за другой, да так, чтобы не затронуть и не рассыпать остальные. Ты берёшь какой-нибудь миниатюрный предмет, я беру – вот и получились бирюльки... Жаль, что эта игра осталась в глубоком прошлом. Сохранилось от неё только устойчивое выражение «играть в бирюльки», означающее занятие пустяками – то же самое, что бить баклуши.

– Впрочем, – заметил профессор, – я слышал, что интерес к бирюлькам возрождается. И очень хорошо: эта игра прекрасно развивает мелкую моторику и точность движений. В этом смысле бить баклуши совсем не то, что играть в бирюльки.

– Которые, – добавил академик, – как раз из баклуш когда-то и делали.

Ищите женщину!

В очередной раз занимаясь на кухне мытьём посуды – такой уж ему выпал жребий! – профессор Синицын громко распевал: «Без женщин жить нельзя на свете, нет...»

– Что ты об этом думаешь? – спросил дедушку Серёжа.

– Я думаю, что это песенка Бони из оперетты «Сильва». Музыка Кальмана, русский текст Михайлова и Толмачёва.

– Да я о другом. Почему жить-то без них нельзя?

– Женщины! – мечтательно промолвил академик. – С ними в жизни связано очень много замечательного!

– Чего, например? – спросил Серёжа.

– Например, устойчивых выражений, – осторожно ответил дедушка.

– Например? – снова осведомился внук.

– Шерше ля фам! – недолго думая, припомнил маститый учёный. – В переводе – «ищите женщину». Эти слова принадлежат знаменитому французскому сыщику Габриэлю де Сартину, жившему ещё в XVIII веке. О его следственных делах теперь помнят только историки, а фраза до сих пор известна каждому: причина любого преступления, считал Сартин, так или иначе имеет отношение к женщине.

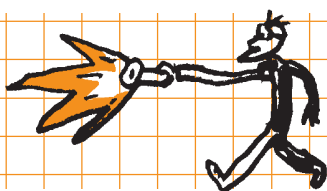
Забыли
де Сартин

С кухни донеслось:

– Без женщин жить нельзя на свете, нет!
В них солнце мая, в них любви расцвет!

Щипу человека

В квартире академика Пятитомова внезапно погас свет. В доме в это время находились: сам хозяин, профессор Синицын и Серёжа. Каждый из них отреагировал на происшествие по-своему. Пятитомов-младший собрался немного вздремнуть в темноте, профессор на ощупь двинулся к щитку с электрическими пробками, надеясь возродить освещение, академик включил фонарик и отправился искать товарищей по несчастью.

Первым поставленной цели достиг профессор. Свет вспыхнул вновь. Рассеянный академик не сразу это заметил и продолжал путешествие по освещённой уже квартире, приговаривая:

– Ну и тьма! Где вы? Где хоть один человек?

– Прямо не Пятитомов, а Диоген какой-то! – усмехнулся Синицын.

– Я его знаю! – обрадовался не успевший еще уснуть Серёжа.

– Кто бы сомневался, что ты знаешь собственного деда, – пожал плечами профессор.

– Да не деда, – зачастил внук академика, обрадовавшись, что может поделиться своими познаниями, – а древнегреческого философа Диогена, который жил в III веке до нашей эры, и при этом – в бочке!

– Ну, не то чтобы в бочке, – уточнил академик, – а в пифосе, огромном глиняном кувшине для хранения продуктов – зерна, вина, оливкового масла. Бочка – лишь последующее историческое на-слоение, народная легенда. Но дело не в этом. Оно в том, что Диоген жил в пифосе не просто так, а в подтверждение своих теорий: для достижения истинного человеческого счастья, считал он, можно и нужно свести потребности к минимуму.

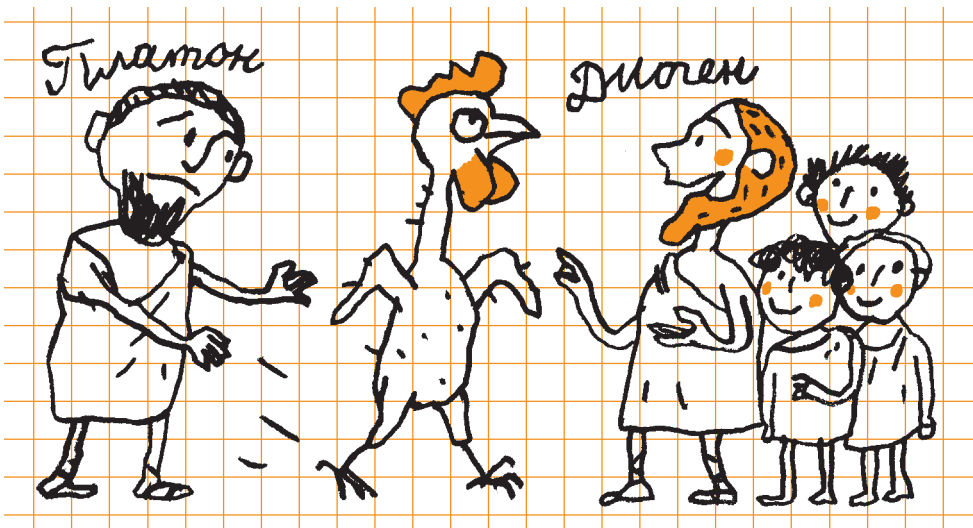
– А ещё рассказывают, – добавил Синицын, – что однажды этот самый Диоген, вообще известный среди сограждан необычными поступками, среди бела дня зажёл фонарь и принялся, покинув свой пифос, расхаживать по округе, внимательно глядя по сторонам, словно что-то потерял. На недоуменные вопросы встречных о смысле его действий Диоген отвечал: «Ищу человека!»

– Этим он хотел сказать, – подхватил академик, – что греческое общество так испорчено дурными обычаями и привычками, что свет-лую личность в духовном мраке днём с огнём не сыщешь.

– Ну, и нашёл он человека? – спросил Серёжа.

– Точно не известно, – промолвил профессор, – но зато он при-близил мир к определению этого непростого понятия. Его совре-менник Платон определил человека так: «Двуногое существо без перьев». Узнав об этом, Диоген собрал своих учеников и ощипал перед ними петуха: «Вот вам человек по Платону!» Платону, конечно,

рассказали о Диогеновой шутке. Он очень смутился и дополнил своё определение уточнением: «...с плоскими и широкими ногтями».

– А что, похоже, – согласился, подумав, Серёжа.

– Диоген с Платоном были бы польщены твоим одобрением, – усмехнулся дедушка и наконец потушил свой фонарик.

К Как выспанный

В воскресенье академик Пятитомов, профессор Синицын и Серёжа пошли в зоопарк. У клетки с обезьянами остановились надолго.

– Как они на людей похожи! – воскликнул профессор. – Просто изумительно!

– Точно: с ума можно сойти, – согласился академик.

– Почему – «точно» и почему – «с ума сойти»? – спросил Серёжа.

– Потому что, – объяснил профессор, – каждое слово имеет свой внутренний смысл. Он не всегда сразу заметен, но в данном-то случае... Подумай сам, молодой человек, произнеси по частям: из-умление!

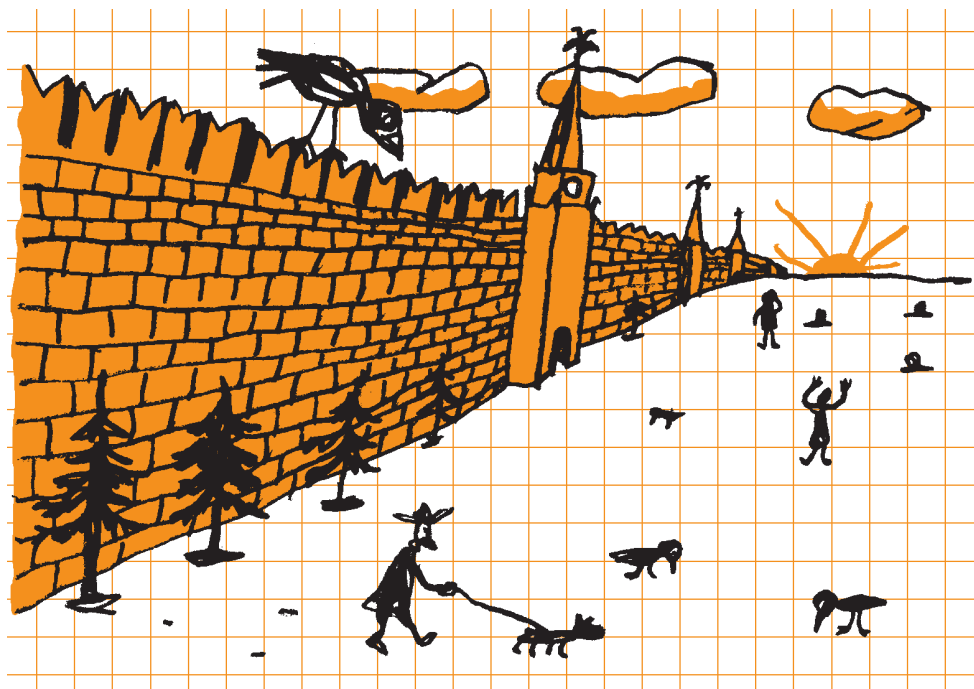
– Выходит, «изумиться», – изумился Серёжа, – означает выжить из ума?

– Вернее, когда-то означало, – уточнил дедушка.

Потрясённый сделанным открытием, Серёжа стоял на месте, приоткрыв от удивления рот.

– Пойдём дальше, – сказал академик, – что ты застыл как вкопанный?

– Образно сказано, сильно, – покачал головой профессор, – и наводит на грустные мысли.

– А по-моему, не наводит, – очнулся Серёжа, – самое обыкновенное выражение.

– Теперь-то, конечно, обыкновенное, а вот происхождение у него не совсем обычное, – согласился с соавтором академик. – Иностранцы, побывавшие в Москве во времена царя Алексея Михайловича...

– Из-за которого долгий ящик? – уточнил Серёжа.

– Вот именно, – кивнул дедушка. – Так вот, иностранцы рассказывали в своих воспоминаниях, что видели прямо на Красной площади в Москве женщин, зарытых в землю по самую шею. Соотечественники об этом не писали – дело-то привычное. В тогдашнем своде законов, Соборном уложении, принятом в 1649 году, говорилось прямо: «Ежели жена учинила мужу своему смертное убийство, её закопати в землю». Ну а если закопают, тут уж не очень разгуляешься. Будешь, как говорится теперь, стоять как вкопанный.

Как из
пушки

В следующее воскресенье академик Пятитомов прогуливался с внуком Серёжей по набережной Невы. Их ожидала встреча с профессором Синициным, который обещал присоединиться к компании ровно в полдень. Пока же, чтобы не тратить времени зря, дедушка и внук устроили викторину.

– У пальто два рукава, – сказал академик, – а у Невы сколько?

– Пять: Большая Нева, Малая Нева, Большая Невка, Малая Невка, Средняя Невка, – ответил Серёжа.

– Совершенно верно. Молодец. Теперь задавай свой вопрос.

– Как называются колонны на стрелке Васильевского острова и почему?

– Они – Ростральные, потому что их украшают ростры – фигуры, которые в древности помещали на носах кораблей.

– Точно, как из пушки!

– А почему, – спросил дедушка, – так говорят?

– Наверное, – ответил внук, – оттого, что выстрел попадает прямо в цель.

– Так ведь не всегда же! Можно и промахнуться, как ты только что. Ошибочка у тебя вышла. Дело тут в другом. В давние времена люди испытывали трудности с определением времени.

– Часов у них, что ли, не было?

– Кое у кого были. Однако у одних они немного спешили, у других чуть-чуть отставали. А у простонародья откуда часы? Конечно, можно узнавать время по солнцу, но и тут легко ошибиться. А если на небе сплошные тучи? Когда идти на работу? Когда с неё можно уходить? И вот с лета 1703 года о начале и окончании рабочего дня в строящемся Петербурге стали оповещать выстрелом из пушки. А с 1865 года залп перенесли на полдень...

Едва академик успел это сказать, раздался выстрел. И тут же появился профессор Синицын. Точно, как из пушки.

Катись колбаской

Академик Пятитомов и Серёжа как-то вечером провожали профессора Синицына. Шли не спеша по родной для Пятитомовых улице Карбышева, болтая о том о сём. На углу 1-го Муринского проспекта выясняла отношения какая-то парочка, юноша и девушка. Наконец девушка разрыдалась и крикнула: «Да катись ты колбаской по Малой Спасской!»

Вмешиваться было бы неэтикетно. Встали в сторонке под фонарём, продолжая разговор.

– Интересное выражение, – сказал Серёжа. – Понятно: поссорились они, но что это за колбаска?

– Существует несколько версий, – откликнулся профессор. – Мне больше всех нравится такая: в первой половине прошлого века сцепка между трамвайными вагонами имела трубообразную форму и называлась в просторечии колбасой. Мальчишки забирались на неё и ездили бесплатно – «катались на колбасе».

– А Малая Спасская?

– Между прочим, – сообщил академик, – так когда-то именовалась наша улица Карбышева.

– Но здесь и в помине нет трамвайных путей!

– Тогда, – предположил профессор, – речь, быть может, идёт о той Малой Спасской, что в городе Угличе? На ней в давние времена располагался колбасный завод купца Постнова, а при нём – магазин колбас. Вот и катилась жизнь в Угличе колбаской по Малой Спасской.

– Как интересно! – произнёс девичий голос, и все увидели, что рядом с ними, прислушиваясь к разговору, стоит давешняя пара.

– Помирились? – спросил академик.

– А мы разве ссорились? – удивлённо спросила девушка, и молодые люди скрылись в сумерках.

Когда рак на горе свистнет

Серёжа маялся от безделья: уроки сделаны, все интересные книжки прочитаны, дедушка готовится к лекции, обложившись книгами и справочными материалами, к нему не подходит. Хоть бы профессор Сеницын заглянул – с ним и в шашки можно сыграть, и в домино, да хоть в бирюльки... Когда ж он появится?

– Кто ж его знает! – академик раздражённо приподнял нам миг глаза от печатных и рукописных страниц. – Сам знаешь: человек он занятой и непредсказуемый. Тогда и приедет, когда рак на горе свистнет.

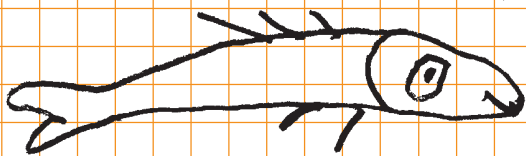
– Где раки зимуют, я уже знаю. А свистнет рак – когда? – продолжил расспросы скучающий внук.

Маститый учёный и педагог не мог не дать обстоятельного ответа.

– Может быть, никогда. Заинтересовавшее тебя устойчивое выражение, иначе говоря, фразеологизм, означает невозможность указать хоть сколько-нибудь определённые сроки. Его происхождение вполне понятно и научно обосновано: раки обитают на речном дне и вылезать на сушу, а уж тем более взбираться на гору, не имеют никаких причин. К тому же у раков нет лёгких, так что упомянутые членистоногие в силу анатомических особенностей свистеть не могут. – И академик вновь склонился над своими бумагами.

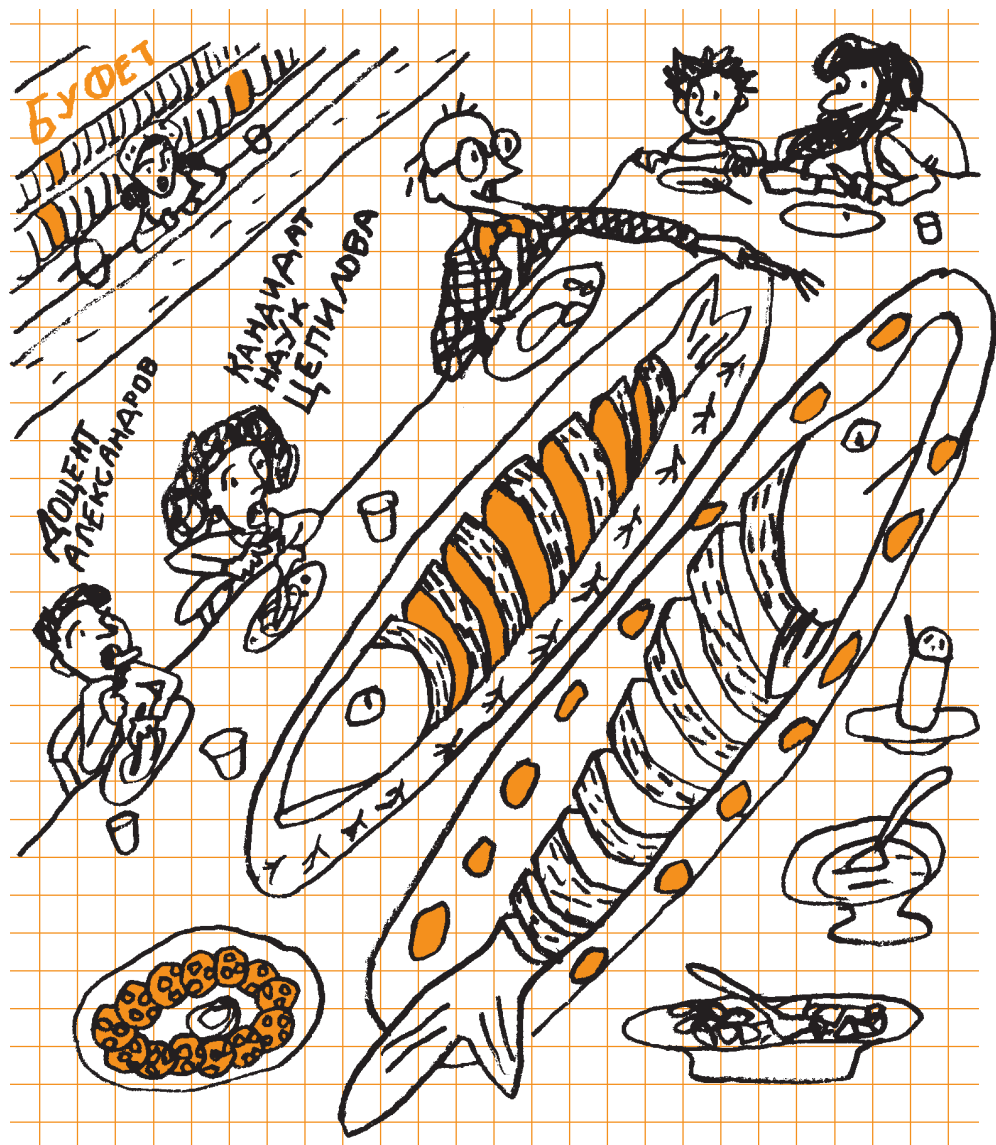
В это время раздался дверной звонок, а вслед за ним залихватский посвист. Но это свистел не рак на горе – пришёл профессор Сеницын.

Красная
рыба

Профессор Сеницын решил отпраздновать свой день рождения в кафе, пригласив на праздник друзей и коллег. В назначенный час все расселись за пышно сервированным столом. Начали с закусок.

– Будь добр, Серёжа, передай мне, пожалуйста, красную рыбу, – обратился к внуку академик.

Тот протянул деду блюдо с аккуратно нарезанной тонкими кусками малосольной лососиной, аппетитно сверкающей красно-оранжевым цветом среди веточек петрушки и укропа.

– Ты что, шутишь? – удивился академик.

– При чём тут шутки? – ответил внук. – Ты хотел красной рыбы – вот она.

– Красной именуется не эта, а та. – И дедушка указал на тарелку с осетриной.

– Но та ведь белая! – изумился Серёжа.

Ясность в проблему внёс профессор Синицын. Он сказал:

– С виду – белая, а по названию – красная. В любом справочнике посмотри: термин «красная рыба» присвоен осетровым в том смысле и значении, в каком красным называли в старину всё редкое и прекрасное: красная девица, красное солнышко...

– Красный товар, – добавил доцент Александров.

– Красная цена, – присовокупила кандидат наук Цепилова.

– Красная площадь! – припомнил ещё один пример Серёжа.

– Молодцы! – похвалил их академик. – А теперь я бы хотел поднять тост за нашего красного профессора Сеницына – в том смысле, что редкого и прекрасного!

И все зааплодировали.

*Это не рискует, тот
не пьёт шампанского*

– А закусить предлагаю салатом, который я из дома принёс, – сказал профессор Сеницын. – Сам его приготовил.

– Сам? – недоверчиво ухмыльнулся академик. – Как-то это не очень вдохновляет. Но делать нечего: кто не рискует, тот не пьёт шампанского.

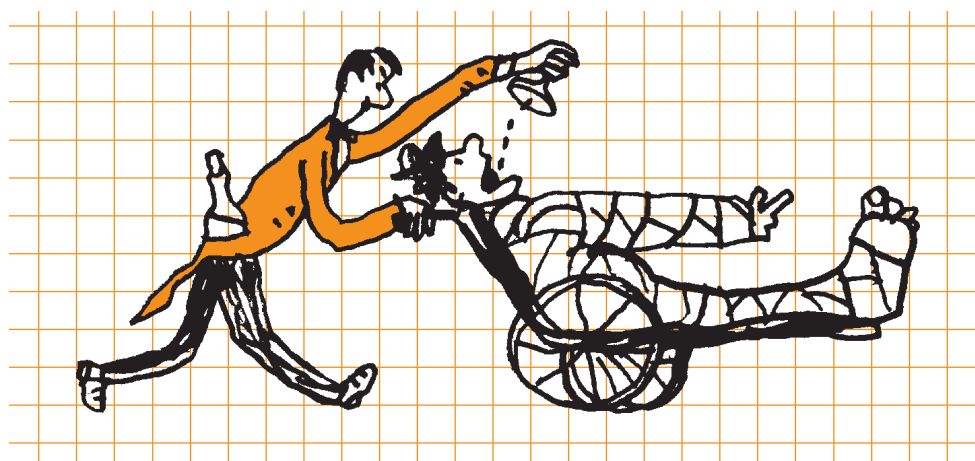
– Почему же, чтобы его пить, обязательно нужно рисковать? – спросил Серёжа.

– В наши дни, – успокоил внука дедушка, – уже не нужно. Но ведь выражение родилось давным-давно. Игристые вина люди научились делать раньше, чем производить бутылки из толстого стекла и укреплять закупорку при помощи металлической скрутки.

– Представь себе, – подхватил профессор, – что в старинном замке кипит застолье. Слуги отправляются в винный подвал за очередной порцией шампанского. А там – бух! – от внутреннего давления созревшего шипучего напитка неожиданно взрываются бутылки, осколки – во все стороны! Пробки вылетают, как пули, только успевай увёртываться! Так что поход за шампанским считался делом довольно опасным и рискованным. Но кто не рискует...

– Теперь-то дело иное, – прервал его академик и, открутив проволочку, почти бесшумно открыл шампанское. В Серёжин бокал налили апельсинового сока.

– За Сеницына!

– Выходит, напрасно я рискую, – вздохнул Серёжа, поедая салат, приготовленный профессором.

Л

Лежачего
не бьют

Серёжа пришёл из школы вместе с Витей Воронковым, как это не раз бывало. Академик и профессор, оторвавшись от совместной работы, дружно их поприветствовали:

– Рады вас видеть, молодые люди! Какие планы? Чем собираетесь заняться?

– Вместе историю учить. Много сегодня задали.

– Похвально, – улыбнулся профессор Синицын. – Мы и сами, знаете, любим вместе. Получается гораздо продуктивней. Одна голова хорошо, а две – лучше.

Вскоре из Серёжиной комнаты слышались топот бегающих ног, шум падения и крик:

– Хватит! Стой! Лежачего не бьют!

Академик с профессором бросились на грохот и обнаружили такую картину: Серёжа лежит на полу, а верхом на нём сидит, весело улыбаясь, Витя.

– Так-то вы занимаетесь историей! – покачал головой дедушка. – По-моему, это кулачный бой, а не серьёзная учебная деятельность. – И передразнил ироничным тоном: – «Лежачего не бьют!» Какая уж тут история!

– Я так не сказал бы, – засомневался профессор. – «Лежачего не бьют» – фраза в высшей степени историческая. Сейчас я это докажу. А ну-ка, вспомните, кто царствовал в России после вдовы Петра Великого, Екатерины I?

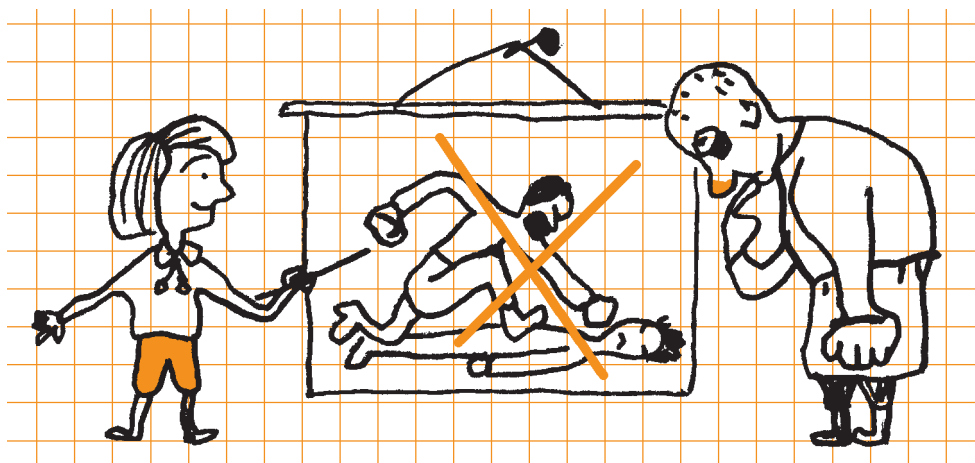
– Пётр II! – сдавленным голосом ответил из-под довольно-таки тяжёлого одноклассника Серёжа.

– Совершенно верно. Его возвели на престол, когда ребёнку было всего двенадцать лет. Юный император предавался в основном развлечениям и играм. По словам замечательного историка Николая Ивановича Костомарова, «он не только не любил ученья и дела, но ненавидел то и другое».

– Неудивительно, – добавил академик, – что время его правления не было отмечено никакими государственными свершениями.

– Однако одна фраза, связанная с его именем, – не отступал профессор, – стала крылатой. В указе, им подписанном в 1726 году и касающемся издавна любимых на Руси кулачных боёв, значилось: «Если кто упадёт, лежащих чтоб никого не били бы». Вот и вошло в историю: «Лежачего не бьют».

– А теперь пусть он с меня слезет! – с трудом произнёс Серёжа. – И поскорей. Нам по истории много задали.

Львиная доля

Серёжа пришёл из школы позже обычного.

– Почему так задержался? – спросил дедушка. – Что-нибудь серьёзное?

– Уж куда серьёзнее! Девочек делили.

– В каком смысле? – заинтересовался профессор.

– Так ведь Восьмое марта на носу. Надо подарки делать. Долго спорили – какие? Решили для каждой открытку нарисовать. Но вот заковыка: парней в нашем классе – пятнадцать, девчонок – двадцать одна. Как их распределить? Ведь получается...

– По одной и четыре десятых на каждого, – быстро подсчитал профессор.

– В том-то и дело, – вздохнул Серёжа. – Непонятно, как с этими десятыми поступать.

– Я бы предложил следующее, – вступил в разговор академик Пятитомов. – Возьми-ка, Серёженька, десятые на себя.

Оказалось, что Пятитомов-внук умеет считать не хуже профессора.

– Выходит, все ребята будут рисовать по одной открытке, а я – целых семь? Несправедливо брать себе львиную долю!

– Никакая она не львиная, – успокоил внука академик. – Выражение это восходит к басне Эзопа, VI век до нашей эры. Позже этим сюжетом пользовались и другие авторы, взять хотя Ивана Андреевича Крылова. Лев, Волк, Лиса и Собака делят загнанного оленя, предварительно договорившись, что всем достанется поровну. Но Лев берёт себе четверть по договору, ещё одну – как царь зверей, третью – потому что он самый сильный, а четвертую – просто так. То есть львиная доля – это всё без остатка. Твоя – не львиная, а значительно меньше.

– Тем более, – сказал профессор, – что мы тебе поможем: возьмём пару-другую девочек на себя.

Любое место почётно

Приготовили бумагу, краски, кисточки, карандаши. Обрадованный мудрым решением Серёжа уселся за дедушкин стол, на любимое его кресло.

– Э, так не пойдёт, – сказал профессор. – Это место почётное, на нём всегда академик сидит.

– Не стоит спорить по пустякам, – отмахнулся старший Пятитомов, – я как-нибудь с краешку устроюсь.

– Ну ты прямо какой-то Аристипп, – покачал головой Синицын.

– Не какой-то, – возразил академик, сев за журнальный столик, чтобы нарисовать открытку для Милы Кручининой, – а древнегреческий философ, ученик и друг великого Сократа. Этот самый Аристипп некоторое время провёл в Сиракузах при дворе правителя Дионисия. Высоко ценивший мудреца, властитель обычно предоставлял ему на пирах почётное место неподалёку от себя. Но однажды, рассердившись за что-то на философа, приказал посадить его в самом конце стола, среди самых незначительных гостей. После пира Дионисий язвительно осведомился у Аристиппа, как ему понравилось новое место. «Любое место делается почётным, когда на нём сижу я», – ответил философ на древнегреческом языке.

– А по-русски, – добавил профессор, рисуя открытку для Леночки Здравомысловой, – он сказал бы: «Не место красит человека, а человек – место».

М Мели, Емеля

В субботу, возвратившись из школы, Серёжа ни с кем не поздоровался, сразу прошёл в свою комнату и затих.

Обеспокоенный академик, извинившись, прервал работу и отправился к внуку. Оставшись один в кабинете, профессор вскоре услышал из-за стены (звукоизоляция у Пятитомовых, как мы знаем, не очень-то) громкий голос соавтора: «Мели, Емеля, твоя неделя!»

Синицын отправился посмотреть, что там.

Там готов был вспыхнуть скандал.

– Некто, – говорил, тряся бородой, академик, – твёрдо обещал с понедельника взяться за ум, и что же мы видим по истечении учебной недели?

– Что у него не совсем получилось. Но я не Емеля, и неделя не очень-то моя.

– Он ещё вступает в пререкания! Надо русским заниматься! И математикой!

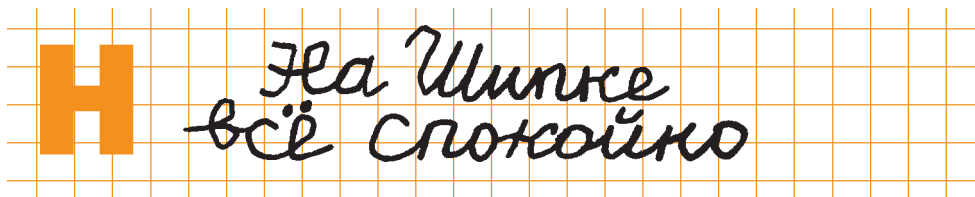
Надеясь немного разрядить обстановку, профессор вмешался:

– Углубимся чуть-чуть в историю устойчивого выражения. В старину на Руси в больших крестьянских семьях хозяйственные обязанности чередовались по неделям: например, одну неделю колет дрова, скажем, Селифан, а Трифон таскает воду; следующую – наоборот. Так же поочерёдно мололи муку, чтобы испечь хлеб. Болтунам же, отлынивавшим от всякого труда, говорили: «Мели, Емеля, твоя неделя!» – даже если их звали иначе. И имели при этом в виду не только мукомольные обязанности: ведь молоть можно и языком – например, чепуху. Болтать попусту то есть. Ты всё понял?

– Всё, – кивнул Серёжа.

– Надо русским заниматься! И математикой! – так и не смог уговориться дедушка.

– Оставим мальчика в покое, – сказал, уводя соавтора из комнаты, профессор Синицын. – Он ведь всё понял. Тем более что русским мы уже позанимались.

«Может быть, и вправду оставить его в покое? – думал академик Пятитомов, размышляя о воспитании внука и собственных своих педагогических принципах. – В конце концов, Серёжа уже взрослый парень, нелепо его постоянно строго контролировать. Больше самостоятельности – больше ответственности, разве нет? Конечно, необходимо интересоваться его школьными успехами, но излишняя дотошность здесь ни к чему».

Профессор Синицын одобрил идею друга целиком и полностью.

С той поры так и повелось. Приходит Серёжа домой – дедушка ему эдак мимоходом: «Что нового? Как дела?»

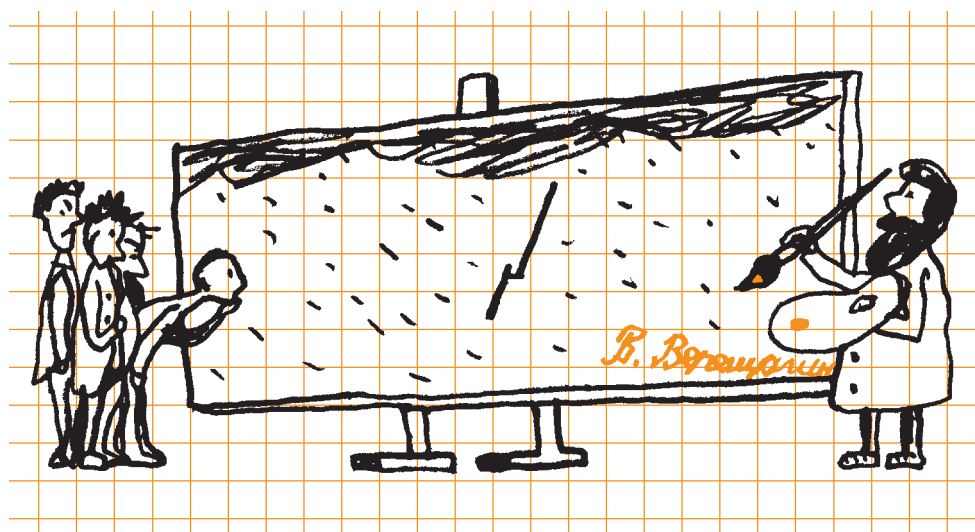
И Серёжа каждый раз отвечает: «Всё в порядке, можешь быть спокоен».

Прошло некоторое время, и дедушка всё-таки попросил внука показать дневник. И ужаснулся. И произнёс с грустной иронией:

– Ну да, на Шипке всё спокойно.

– Дед, – ответил внук, – я не спорю, вышло не шибко красиво, но Шипка-то здесь при чём?

– Шипка, – дал справку профессор Синицын, – горный перевал на Центральных Балканах в Болгарии. Я там бывал, замечательные по красоте места. Но сейчас речь не о природных особенностях, а о далёкой уже истории. В конце 70-х годов XIX века Шипка прославились не только удивительными своими пейзажами. Тогда шла очередная Русско-турецкая война. На Шипкинском перевале наши войска в течение пяти месяцев, с июля по декабрь 1877 года, удерживали позиции, непрерывно отбивая атаки противника. Положение было чрезвычайно тяжёлым, возникли трудности с доставкой людских пополнений, продовольствия, медикаментов и тёплого обмундирования. Пушки с той и этой стороны не умолкали на Шипкинском

перевале ни днём ни ночью. Потери были огромны. Но поскольку противостояние оставалось позиционным, то есть передвижения войск не происходило, в военных сводках неизменно сообщалось: «На Шипке всё спокойно». Как относились к этим реляциям в обществе, видно хотя бы по триптиху художника Василия Васильевича Верещагина. – И Синицын, сняв с книжной полки альбом, раскрыл его на странице с нужными иллюстрациями. – Видишь: стоит солдат на посту под снежной бурей... Замерзает... И вот уже торчит из сугроба только штык... Серия из трёх верещагинских картин так и называлась: «На Шипке всё спокойно».

– Потому что, – подхватил академик, – эта фраза сделалась распространённым крылатым выражением, употребляемым по адресу тех, кто скрывает или приукрашивает неблагоприятное положение вещей. Надо его исправлять!

– Надо, – согласился Серёжа. – Куда ж тут денешься.

Назвался груздем –
полезай в кузов

Никуда не денешься: в доме Пятитомовых по будним дням были введены ежедневные дополнительные вечерние занятия. Серёжа делал упражнения, решал задачи, а дедушка потом проверял. Внук порой горько вздыхал:

– Зачем я только согласился? И кто меня за язык тянул?

– Ничего не поделаешь, – качал головой академик. – Назвался груздем – полезай в кузов, как говорится.

– Это не обо мне говорится, – возразил как-то раз Серёжа. – Груздем я никогда себя не называл, и ни о каком грузовике с кузовом речь не шла.

– Тут дело вот в чём, – стал объяснять профессор Синицын. – Кузовом или кузовком испокон века называлась корзинка. А груздь, как ты и сам знаешь, гриб в хозяйстве полезный: и варить его можно, и жарить, и солить, и мариновать. Любой грибник, увидев груздь, раз его – и в кузов. Никуда съедобному грибу не деться.

– Смысл поговорки, – подхватил академик, – таков: если взялся за что-то – выполняй свои обязательства, не притворяйся, будто ты какая-то поганка.

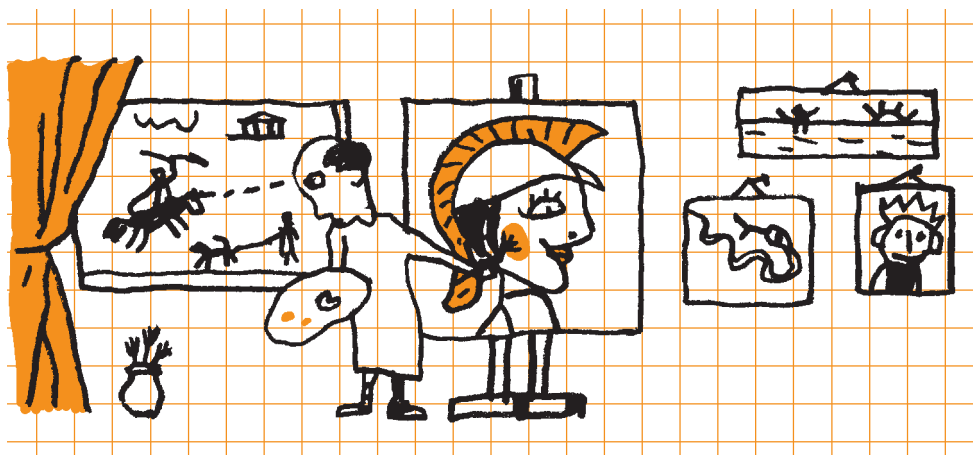
В воскресенье Серёжа Пятитомов проснулся поздно. Зашёл к дедушке сказать доброе утро и видит: академик уже работает в кабинете вместе с профессором Синицыным.

– Что ж это вы в выходной-то день? – удивился внук.

– Руководствуемся словами Юрия Олеши, писателя, тебе, вероятно, известного – хотя бы по сказке «Три толстяка», – ответил дедушка. – Другую свою книгу, не менее прославленную, он так и назвал: «Ни дня без строчки». Вот мы и...

– Понятно, – зевнул Серёжа, – руководствуетесь его словами. А он, говоря их, чем руководствовался?

– Желанием побольше сделать, – сказал академик. – Любовью к труду. Правилами самодисциплины.

– А ещё, – добавил профессор, – он руководствовался историческим изречением одного знаменитого художника второй половины IV века до нашей эры. Апеллес был придворным живописцем Александра Македонского. До наших дней произведения Апеллеса не дошли, но известно, что его кисти принадлежали два портрета Александра, портрет царя Антигона, аллегорическая картина «Клевета» и изображение Афродиты, выходящей из моря.

– А ещё, – добавил дедушка, – сохранились сведения о необыкновенной работоспособности Апеллеса. Какие бы события его ни отвлекали, как бы поздно ни лёг он спать, с первыми лучами солнца художник брался за кисть. Трудился ежедневно, без выходных, формулируя свой девиз так: «Ни дня без штриха».

– Мне бы такую силу воли! – позавидовал Апеллесу и его последователям Серёжа Пятитомов – и, снова зевнув, отправился обратно в постель.

Одна ласточка весны не делает

Как бы там ни было, упорство всегда даёт свои плоды. Пришло время, и Серёжа принёс из школы долгожданную пятёрку. А потом раз – и снова пара.

– Я-то думал, – горько сетовал Серёжа, – что всё уже в порядке, после пятёрки-то!

– Напрасно так думал, – покачал головой академик. – Великое ли дело – единственная пятёрка? Одна ласточка весны не делает.

– Выражение это, ставшее пословицей, – вступил в беседу профессор Синицын, – принадлежит, как и многие другие, упоминавшемуся уже древнегреческому баснописцу Эзопу. Вот какую историю он поведал давным-давно, задолго до начала нашей эры: один легкомысленный молодой человек в зимнее время промотал всё, что у него было. Остался у бедняги один только плащ. И возникло сложное положение: есть хочется, а плащ не продашь – холодно без него зимой, хоть и Греция, студёный ветер повсюду гуляет. Но тут наш, то есть Эзопов, герой увидел, что откуда-то появилась ласточка. «Стало быть, настала весна!» – обрадовался он и мигом продал свой плащ. Но – одна ласточка весны не делает. Она случайно залетела. Снова наступили морозы, и юноша стал страшно зябнуть. И ругать ласточку за то, что она его обманула.

– А ласточка его не обманывала, – добавил академик, – и ни в чём не была виновата. Виноват был он сам. Потому что не только по Греции гулял ветер, но и у него в голове. А ещё потому, что юноша считал, будто одна пятёрка... тьфу ты, ласточка! – может что-то изменить в лучшую сторону.

Ничего не ответил Серёжа и отправился решать свои дополнительные задачки.

Открыть Америку

Через некоторое время в Серёжиной комнате – бум! бам! та-ра-рам! – громко заиграла музыка.

Академик в сопровождении профессора поспешил к внуку и предположил:

– Судя по весёлому шуму, все учебные задачи выполнены?

– Да ну их, – ответил Сергей. – Одна такая заковыристая попалась, что я с ней возиться бросил.

– Без труда не выловишь и рыбку из пруда, – перекрикивая грохот проигрывателя, промолвил дедушка.

– Тоже мне устойчивое выражение! – отмахнулся внук. – Открыл Америку!

– Какой смысл ты вкладываешь в эти слова? – спросил профессор.

– По-моему, – пояснил Серёжа, – открывать Америку значит говорить о том, что давно всем известно.

– Во фразеологическом смысле это верно, – вздохнул академик. – А вот в историческом – не совсем. Америку открывали неоднократно.

– Примерно в 1000 году исландский мореплаватель Лейф Эрикссон высадился на берег Северной Америки и основал там первые поселения, – подхватил профессор Синицын. – Лейф дал новооткрытым землям название Винланд.

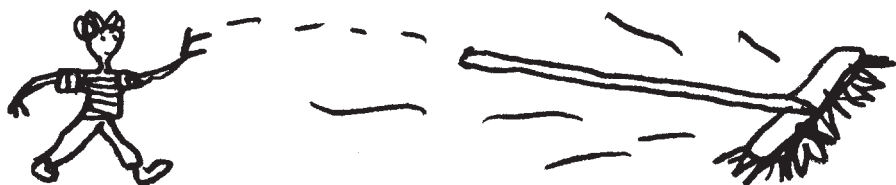
– 12 октября 1492 года Христофор Колумб, – продолжил академик, – достиг острова Сан-Сальвадор. То есть открыл Америку опять. Но он думал, что приплыл в Индию.

– В 1499 году, – добавил профессор, – Америго Веспуччи приплыл в нынешнюю Венесуэлу. Так Америку открыли в третий раз, и она наконец получила своё современное название.

– Так что, – подытожил академик, – иногда не грех напомнить об уже давно известном. Как говорится, повторенье – мать ученья. Повторяю: без труда не выловишь и рыбку из пруда, – и решительно выключил музыку.

Первый среди равных

Наконец рыбка выловилась. Не сразу, не быстро, но всё-таки. Академик успокоился.

– Вот увидишь, – пригладил он вихры внуку, чуть ли не отличнику, – теперь начнётся у нас новая жизнь.

– Раз уж новая, – предложил Серёжа, – давай заведём в доме полное равноправие.

– Попробуем, – согласился дедушка. – Равноправие – это хорошо. Вот тебе швабра, пойди и прибери на кухне.

– Почему это я? – заподозрив нарушение равноправия, обиженно возразил Серёжа.

– Потому что я старше, – начал перечислять дедушка. – Потому что я академик. Потому что я, как ты, вероятно, заметил, работаю над статьёй с профессором Синицыным...

– Вспоминается отчего-то Август, – с усмешкой прервал тот речь соавтора.

– Почему? – спросил Серёжа. – Что похожего случилось в августе?

– Похожее случилось не в августе, а с Августом, Августом Октавианом, следующим после Юлия Цезаря правителем Рима. В 31 году до нашей эры он стал самым главным человеком в стране. Но своё единоличное правление прикрывал прежними республиканскими лозунгами: то и дело ссылался на мнение сената (уже совершенно бесправного), магистратов (всецело подвластных верховной власти) и суда (на сто процентов послушного и управляемого). Никто не говорил про верховного правителя: «Верховный правитель». Говорили: «Первый среди равных».

– Честно говоря, предлагая равенство, я думал о чём-то другом, – вздохнул Серёжа.

– Подобное случается нередко, – успокоил его дедушка. – Так что изволь начинать уборку.

Второй среди равных крикнул, чуть не плача:

– Какое-то кособокое у нас получается равноправие! – и с силой отбросил швабру в сторону.

Перегнуть палку

Академик Пятитомов нахмурился:

– По-моему, тут ты перегнул палку.

– Никакой палки я не перегибал. Просто бросил швабру.

– И тем самым, – спокойно сказал, утихомиривая спор, профессор, – перегнул палку. Ведь что означает это устойчивое выражение? Оно значит «впасть в крайность, переборщить». Когда же и где оно возникло? Надо думать, давным-давно, среди ремесленников. Например, тех, что занимались изготовлением дуг для конской упряжи или другой какой гнутой утвари. Дело это не простое: сначала выбираем подходящую заготовку, потом распариваем её как следует, потом осторожно начинаем сгибать, придавая нужную форму. Тут нужно внимательно себя контролировать – не то перегнёшь палку, и она сломается.

– Короче говоря, – добавил профессор, – во всём надо знать меру.

Вздыхнув, Серёжа поднял с пола швабру. Хорошо хоть, палка не сломалась.

Полная дребезень

Серёжа Пятитомов и его гость Витя Воронков сидели в чисто убранной кухне и фантазировали громкими голосами.

– Если бы у нас был тандем, такой велосипед для двоих, – мечтательно произнёс Витя, – мы бы отправились на нём на охоту.

– Едем себе, – подхватил Серёжа, – на багажнике привязанное ружьё дребезжит.

– Добрались до лесной поляны, – продолжил Воронков, – развели костёр. Повесили над ним котелок. Чтобы потом бульон варить из охотничьей нашей добычи.

– И тут в кустах какой-то зверь зашуршал!

– Я схватил ружьё, зарядил его дробью и как пальну!

– Но промазал! И раздробил в щепки пень!

– И выстрелил ещё раз!

– И неточным выстрелом разбил котелок вдребезги!

Академик Пятитомов крикнул из кабинета:

– Совершенно невозможно сосредоточиться! Не могли бы вы прекратить эту полную дребедень? Шума от неё много, а толка никакого.

Серёжа с Витей притихли и в тишине стали прислушиваться к диалогу учёных, доносящемуся из кабинета.

– Позволь возразить, – обратился к соавтору профессор. – Какой-то смысл в фантазиях наших юных друзей всё-таки есть. Припомни: было в древнерусском языке слово «древед», означавшее звон, треск...

– Вот ты к чему ведёшь! – сообразил академик. – У этого «древеда» со временем появилось много языковых родственников. Дребезжать. Дробь. Дробить. Вдребезги. И, разумеется, дребедень.

– Так что, – подвёл итог профессор, – болтовня на кухне – чушь, конечно, чепуха, дребедень. Но не полная. Она, говоря языком науки, возводит слова к их историческим корням.

Серёжа и Витя посмотрели друг на друга с уважением.

*Правда необычнее
вымысла*

Прощаясь вечером с профессором Синицыным, академик Пятитомов предупредил:

– Завтра полноценной работы у нас с тобой не получится. Считаю, что тебе выпал внеочередной выходной. А я пойду в школу.

– Шефская лекция? – посочувствовал профессор.

– Если бы! Даже говорить не хочется. Пусть лучше Сергей расскажет. – И маститый учёный позвал в кабинет внука. – Ну-с, докладывай, молодой человек, о наших проблемах.

– Дедушку вызывают в школу из-за меня, – признался внук академика.

– Опять хроническая неуспеваемость? – догадался профессор.

– Хроническая несправедливость, – отпарировал Серёжа.

– Нельзя ли чуть подробнее? – попросил собеседник.

– Пожалуйста. Вчера я опоздал на урок. Меня спросили, что случилось. Я честно рассказал всё как было. Вышел я из дому вовремя, даже с запасом. Вдруг откуда ни возьмись – котёнок. Ласковый: стал о мои ноги тереться. Но тут прибежала собака. Небольшая, но довольно злобная. Увидела котёнка – залаяла. Тот испугался, подбежал к большому дереву и мигом взобрался по стволу чуть не на верхушку. Смотрит вниз и жалобно мяукает, боится спускаться. Не бросать же его в таком положении! Я решил за ним полезть. Самый нижний сук у дерева высоко, пришлось даже подпрыгнуть, чтобы ухватиться. Залез. Следующая ветка – на высоте поднятых рук. Ухватился, стал подтягиваться, а нижняя ветка хрясть – сломалась. Сажу наверху: правой рукой за ствол ухватился, в левой котёнка держу. До земли далеко, самому не выбраться. А потом...

– Потом ты решился и спрыгнул? – догадался профессор.

– Нет, – вздохнул Серёжа, – не решился. Потом народ собрался, притащили лестницу. На всё это много времени ушло. Вот я и опоздал. А завуч, Анна Ивановна, говорит: «Что ты опоздал, это ещё полбеды, Пятитомов. А то, что небылицы всякие выдумываешь, беда уже настоящая. Пусть кто-нибудь из старших родственников придёт со мной побеседовать о твоём поведении».

– А старший родственник – я, – вздохнул академик.

– Самое обидное то, – продолжил внук, – что я чистую правду рассказал. И даже не это, а то, что Петров, который, между прочим, тоже припозднился, Анне Ивановне говорит: «Я в лифте застрял». И ему ничего, поверили. А у него дом вообще без лифта!

– Не огорчайся, – потрепал Серёжу по волосам профессор Синицын. – Не ты первый с подобным сталкиваешься. Мудрый писатель Марк Твен однажды сказал слова, ставшие крылатыми: «Правда необычайнее вымысла, потому что вымысел должен придерживаться правдоподобия, а правда в нём не нуждается». А уж он-то толк и в вымысле, и в правде знал.

– Интересно, – задумался Сергей, – где ж он такое сказал? Я и «Приключения Тома Сойера» читал, и «Янки при дворе короля Артура», и много рассказов, а с этим изречением не встречался.

– Ничего, – успокоил внука дедушка, – каникулы уже на носу. Всё собрание сочинений Марка Твена прочтёшь в свободное время – и повстречаешься!

Триггесть на дорожку

Каникулы и в самом деле вскоре наступили. По такому случаю академик, профессор и Серёжа решили отправиться в однодневный поход. Стартовать решили с улицы Карбышева, из квартиры Пяти-томовых. Но Синицын, явившись в назначенное время, сказал, что передумал.

– Я, – объяснил он, – что-то плохо ночью спал. Нет у меня никакого походного энтузиазма. Лучше у вас на диване подремлю.

– Как желаешь, – пожал плечами академик. – Только, чур, потом не обижаться, – и вручил соавтору подушку и клетчатый плед. – Отдыхай.

Профессор устроился на диване, а академик с внуком, прихватив собранные с вечера рюкзаки, спустились на улицу. Когда за ними захлопнулась дверь парадного, дедушка сказал:

– Присядем, что ли, на дорожку.

Серёжа немного удивился, но не спорить же – собрался было сесть на асфальт. Академик расхохотался:

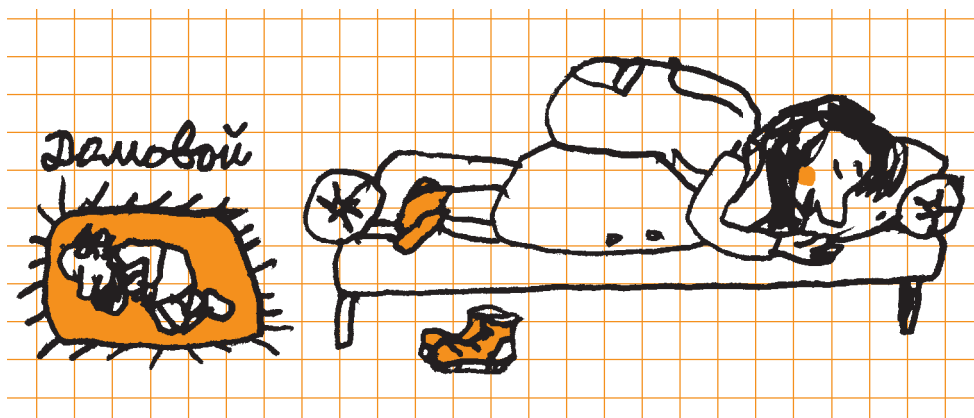
– Не знает нынешняя молодёжь старинного обычая – перед дальней дорогой безмолвно посидеть с десяток секунд на собранном багаже.

– Теперь знаю, – сказал Серёжа, усаживаясь на свой рюкзак, – и даже догадываюсь, откуда этот обычай пошёл. Так, наверное, отправляющиеся в путь проверяли в тишине, не забыто ли что-нибудь важное в суете сборов.

– Отличное житейское объяснение. Есть и ещё одно – мифологическое. Считалось, что домовый, дух жилища, обижается, если хозяева уезжают неожиданно, и, раздосадованный, может сотворить какую-нибудь пакость. Секунды сидячего молчания – вежливое прощание с ним, чтобы не сердился.

Замолчали. В это время наверху открылось окно, и в нём появился профессор Синицын, всклоченный со сна, как домовый. Бросил взгляд на хозяев дома, сидящих на рюкзаках:

– Счастливого вам пути! Отправляйтесь спокойно, я нисколько не в обиде, – и, закрыв окно, отправился досыпать.

Пришёл, увидел, победил

В последний день каникул во дворе шёл футбольный матч. Мила и Лена – команда «Милан». Аркадий и Серёжа – «Арсенал». Академик Пятитомов сидел на скамейке и, поджидая профессора Сеницына, вёл репортаж:

– Центрфорвард «Милана» идёт по левому краю, обводит защитника... Ну же!.. Удар! О-о-о! Голкипер «Арсенала» на месте. Мяч отбит... И сразу же «Арсенал» начинает ответную атаку... Борьба в центре поля... Мяч снова отбит...

Отбитый, он подкатился прямо к ногам идущего к дому профессора Сеницына. Тот, недолго думая, принял его щёчкой и направил удар в ворота «Арсенала». Гол!

– Veni, vidi, vici! Вени, види, вици! – воскликнул, победно вскинув руки, профессор.

– Что-то я не понял, – процедил Серёжа.

– Что тут особенно понимать. – И дедушка дал пояснение: – В 47 году до нашей эры Рим вёл затяжную борьбу с Боспорским царством – оно располагалось на нынешних Керченском и Таманском полуостровах. Наконец, стремительно перебросив свои легионы к крепости Зеле, Гай Юлий Цезарь одним ударом наголову разбил противника. Сообщая об этой удаче, полководец описал внезапность и быстроту победы тремя латинскими словами. В переводе они означают: «Пришёл, увидел, победил».

– Вот и я, – гордо сказал профессор, – пришёл поработать с академиком, увидел, как вы играете в футбол, и тут же победил! Матч окончен!

Пусть едят пирожные

За работой с академиком Пятитомовым профессор Сеницын проголодался. Захотелось бутерброда с докторской колбасой. Соавторы пошли на кухню и Серёжу с собой позвали.

– Вот незадача-то! – вспомнил академик, распахнув дверцу холодильника. – Нет у меня колбасы. Мы её с Серёжей всю съели.

И хлеб кончился. Но ничего, что-нибудь придумаем. Картошка есть.

– А вот мы сейчас её сварим, да с маслицем, – облизнулся в предвкушении Синицын.

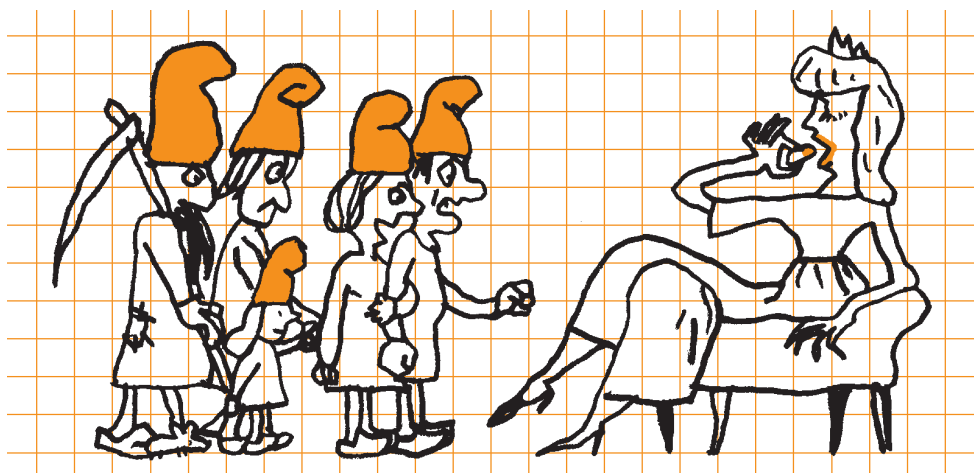
– Это вряд ли, – вздохнул Пятитомов-старший. – Я говорил о пирожном «картошка». Бисквит такой.

– Чем-то ты, – язвительно промолвил соавтор, – напоминаешь нам королеву Франции Марию-Антуаннету, годы жизни 1755–1793. Правда, Серёжа?

– Конечно, – кивнул академический внук, – знать бы ещё, чем именно.

– Сейчас узнаешь, – ответил профессор. – Во времена правления её мужа, короля Людовика XVI, во Франции сложилась ситуация, чреватая народным бунтом. Казна была практически пуста; вводились всё новые налоги; королевский двор продолжал утопать в роскоши, а простой народ голодал. Слухи о его нищете, конечно, доходили до Версальского дворца, где чаще всего обитала чета монархов, но не производили на неё особого впечатления. Как-то на одном из обычных пышных балов здравомыслящие придворные с тревогой сообщили королеве, что в Сент-Антуанском предместье Парижа (там обитала беднота) от голода ежедневно умирает по восемьдесят человек. «Почему?» – удивилась королева. «Потому что у них нет даже хлеба». – «Если у них нет хлеба, – пожалла плечами Антуаннета, – пусть едят пирожные», – и продолжила танцевать. Она и представить себе не могла, что могут существовать семьи, живущие без запасов изысканных сластей.

– А я и не знал про эту историю, – признался Серёжа.

– А я знал, – сказал, покраснев, академик. – Знаю я и другое: историческое изречение королевы до сих пор применяется по отношению к власти имущим, которые так далеки от нужд населения, что не могут их понять... Так пойдём мы, в конце концов, пить чай с «картошкой» или дальше будем морить себя голодом?

– Пойдём, пойдём, – успокоил друга профессор Сеницын, и началось чаепитие.

За чаем говорили о французской революции, разразившейся 1789 году, и о горестном конце королевы Марии-Антуанетты.

Р

Развесистая клюква

Ранним вечером субботы, в день рождения академика, профессор пришёл к Пятишовым с полной сумкой продуктов.

– Я, – сообщил он, – задумал сделать трудовой подарок. Буду готовить блюдо для праздничного стола. Такое же, что и к собственному дню рождения, помните?

– Помним, – сказали дедушка с внуком, – было очень вкусно.

Профессор вымыл несколько морковок и бросил в кастрюлю вариться:

– Оранжевый этот корнеплод – для нашей закуски самое то.

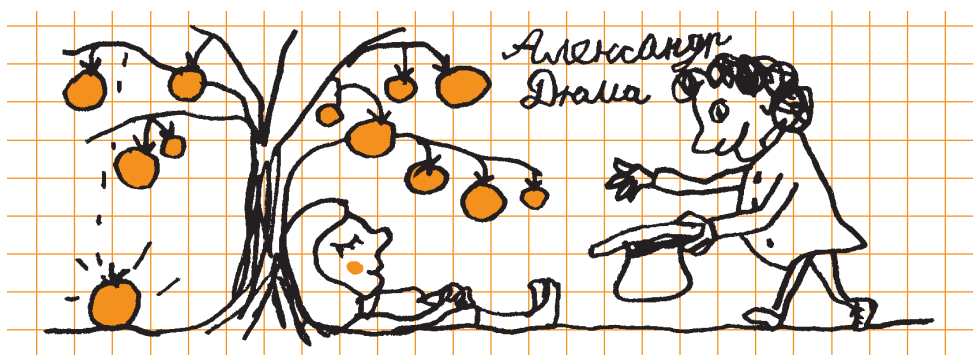
– Между прочим, – сказал Серёжа, – недавно я узнал от деда, что морковь не всегда была оранжевой.

– Трудно поверить, – отмахнулся профессор. – Не оранжевой морковки не бывает. По-моему, это развесистая клюква.

– А развесистая клюква бывает? – спросил Серёжа.

– Бывает, – смеясь, подтвердил академик. – Считается, что сомнительная честь её изобретения принадлежит французскому писателю Александру Дюма. В книге о своём путешествии по России он якобы написал о крестьянской девушке, которая сидела под густой широкой тенью развесистой клюквы. С тех пор это выражение стало означать смехотворный вымысел, неумеренную фантазию.

– Именно что «считается», будто принадлежит, – не согласился Сеницын. – Именно что «якобы». Спору нет, в путевых записках Александра Дюма можно найти много нелепиц, касающихся природы и быта нашей страны, однако ни одного слова об упомянутом диковинном растении в них нет. Кто его выдумал, до сих пор доподлинно

не установлено. Но автор «Трёх мушкетёров» и «Графа Монте-Кристо» в смысле развесистой клюквы чист как невинный младенец.

– Это верно, – кивнул академик, – а вот что касается моркови, то изначально она была фиолетовой, жёлтой и даже белой – в зависимости от сорта. Оранжевой её сделали голландские селекционеры только в XVI веке. Есть мнение, что в честь принца Вильгельма Оранского, своего национального героя: ведь в переводе prins van Oranje – «оранжевый принц».

– Странно, – покраснел Синицын, – ты историю морковного цвета знаешь, а я не знал. Как же так?

– Ничего странного, – ухмыльнулся старший Пятитомов. – Я ведь всё-таки академик, а ты – всего лишь профессор.

С Салат оливье

Тем временем приготовление трудового подарка продолжалось.

– А как ваша закуска называется? – поинтересовался Серёжа. Профессор не стал таиться:

– Салат оливье!

– А почему?

Синицын не ответил, но взволнованно воскликнул, углубившись в работу:

– Оливки! Куда-то запропастились оливки!

– Он с оливками, потому и оливье? – предположил Серёжа.

– Отнюдь, – не согласился академик. – Салат назвали так в честь его создателя Люсьена Оливье. О Люсьене этом не так уж много известно. То ли француз, то ли бельгиец, он в середине XIX века переехал в нашу страну и открыл в Москве на Трубной площади ресторан «Эрмитаж».

Заметив, что Серёжа хочет что-то сказать, профессор опередил его:

– Нет-нет, ничего общего со знаменитым петербургским музеем у ресторана не было – кроме названия. «Эрмитаж» в переводе – «уединённый уголок». Люсьен Оливье приглашал посетителей в тишине и покое откусать в своём заведении, где, кроме всего прочего, подавали вкуснейшую закуску, у которой среди российских гурманов сразу же появилось множество почитателей.

– Так много, – добавил академик, – что иностранцы до сих пор именуют салат оливье русским салатом, несмотря на то что изобрёл его то ли бельгиец, то ли француз.

– Значит, – подсчитал Сережа, – мы будем есть на твой день рождения блюдо, которому больше чем полтора века!

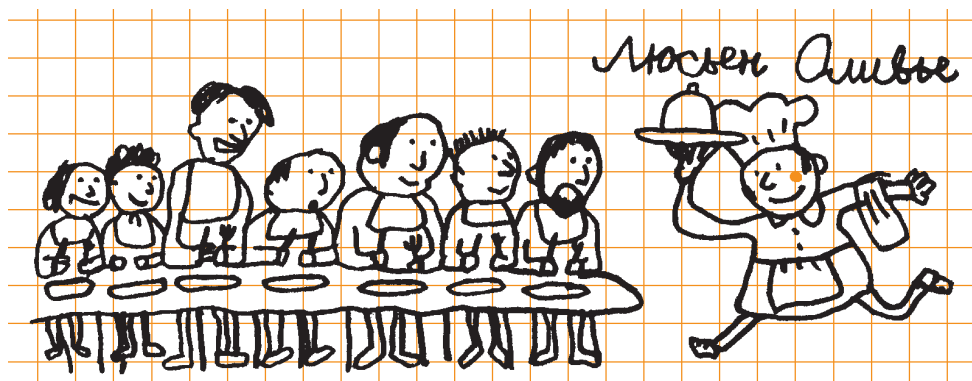
– Не беспокойся, – покачал головой дедушка. – Люсьен Оливье до самой смерти сохранил в тайне свою рецептуру салата. Так что пришлось восстанавливать её по вкусовой, так сказать, памяти. У нас готовят не совсем то, что подавали в «Эрмитаже» в стародавние годы. Кое в чём рецепт менялся, варьируется в мелочах и до сих пор.

– Например, – сказал профессор, открывая консервную банку, – каперсы...

– Что? – удивился внук академика.

– Нераспустившиеся маринованные или консервированные цветочные бутоны колючего средиземноморского кустарника каппарис спиноза. А мы их заменим солёными огурцами. Так оно как-то привычней.

И профессор взял да заменил. Добавил мелко нарезанной варёной курятины (а Люсьен Оливье, говорят, предпочитал рябчиков). Щедро заправил салат майонезом. Перемешал. Поставил охлаждаться в холодильник. И тут как раз прозвучал входной звонок – значит, на день рождения академика Пятитомова начали собираться гости.

Семь пятниц на неделе

На следующий день, в воскресенье, академик спросил внука:

- Чем думаешь заняться на досуге?
- Буду книжку читать, – ответил Серёжа. – Нет, телевизор смотреть... Нет, в компьютерные игры играть... Нет, в шашки...
- Да у тебя семь пятниц на неделе! – воскликнул дедушка.
- Сегодня воскресенье, – возразил Серёжа, – а семь пятниц на одной неделе вообще не бывает.

– Как сказать, – не согласился академик. – В древности пятница на Руси была базарным днём. И именно в пятый день недели заключались разные сделки. Если потом стороны решали расторгнуть договор, то делать это нужно было тоже в пятницу. А ждать-то не хочется! «Сегодня вторник, – говорили тогда, – но давайте считать, что пятница». Раз-два, сговорятся – вот тебе дополнительная пятница. Хоть семь на неделе. А теперь так говорят о тех, кто часто меняет свои решения, – подытожил академик.

Синяя девушка

Серёжа всё-таки выбрал чтение: сидел за столом у себя в комнате и читал Александра Сергеевича Пушкина – «Сказку о мёртвой царевне и семи богатырях». Не впервые, конечно. Текст знакомый с детства: жил-был, значит, царь. Жена-царица родила ему дочь и умерла. Прошло какое-то время, и царь женился во второй раз. Новая супруга стала завидовать красоте его повзрослевшей дочери и решила погубить падчерицу. Сказано – сделано. «Позвала к себе Чернавку...» (ну, это имя такое, мало ли какие бывают, вот соседку Жозефиной зовут, и ничего). «И наказывает ей...» (как бы тут не за-

путаться: именно что «ей», а не «её» – то есть приказывает Чернавке; наказывать гадкая царица собирается царевну, тут-то всё ясно). «И наказывает ей, сенной девушке своей...» Ой! Что ж за девушка такая – сенная? И как это он раньше не задумывался, ведь сколько раз читано! Может, сенная – та, которая сено в стога собирает? Или которая на сене спит? Или на Сенной живёт – такие улицы и площади в разных городах бывают?

Поняв, что самому в этом не разобраться, Серёжа выскочил из-за стола и отправился за информацией в кабинет дедушки. Академик Пятитомов распушил белоснежную бороду и дал справку:

– В старину в богатых домах главную комнату, светлицу, отделяла от крыльца другая – утеплённые сени. В сенях жила прислуга – юные девицы или незамужние женщины, необязательно молодые. Те и другие назывались сенными девушками – так что на счёт связи названия с местожительством ты отчасти оказался прав. И не волнуйся: сказка кончится хорошо.

– Я знаю, – кивнул Серёжа и оставил дедушку наедине с его академическими занятиями, а сам пошёл гулять.

Т Тайны лагидского двора

С прогулки Серёжа вернулся с синяком под глазом.

– Что, собственно говоря, случилось? – спросил его дедушка-академик, не отрываясь от дела: вместе с профессором Синицыным, уже пришедшим для совместных учёных занятий, он сразу же начал делать потерпевшему примочки из бодяги.

Сергей не стал запираться:

– Есть у нас во дворе одна... Беллой зовут.

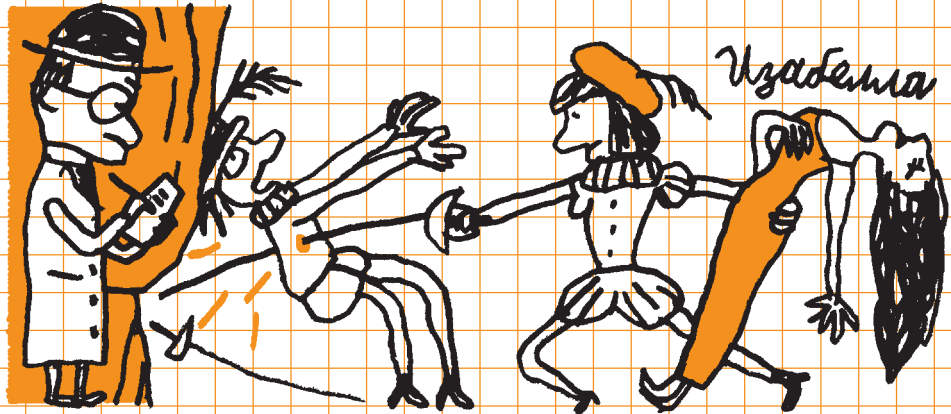
– Изабелла, что ли? – уточнил профессор.

Серёжа кивнул:

– Я ей стихи написал. Но это была тайна. Известная только Вите Воронкову – друг всё-таки. А он возьми и разболтай. И я вызвал его на дуэль.

– На шпагах? – заинтересовался профессор.

– На кулаках, – вздохнул внук академика. – Сошлись мы с ним тайно у мусорных контейнеров, там мало кто днём ходит, в глубине двора...

– Тоже мне тайны мадридского двора, – хмыкнул академик Пятитомов.

– Не мадридского, а нашего, – отмахнулся внук.

– Мадридского, мадридского, – возразил профессор. – Так иронически говорят о секретах, которые лежат на поверхности и легко открываются. Фразеологизм этот вошёл в язык благодаря авантюренному роману посредственного немецкого писателя Георга Борна. В русском переводе опус назывался «Изабелла, или Тайны мадридского двора» и был очень популярен у нас в конце XIX века.

– Но, так сказать, превосходство этого Борна над другими писателями было недолгим. И его самого, и написанные им романы совершенно забыли. Осталось только выражение, причём лишь в русском языке, – подхватил тему академик и поменял внуку очередной компресс.

Труден только
первый шаг

Утром после завтрака Серёжа понял, что идти в школу ему совершенно не хочется.

– Неужели нельзя устроить дополнительный выходной? Не идёт-ся мне на уроки – и всё тут.

– А ты всё-таки попробуй, – посоветовал дедушка. – Труден только первый шаг. Есть такое устойчивое выражение.

– Как однообразны эти твои устойчивые выражения, – вздохнул внук, – как нравоучительны и скучны! Ни капли юмора.

– Насчёт юмора ты не прав, – не согласился академик. – Что касается юмора и иронии, их обсуждаемой нами фразе как раз не занимать.

– Ну, не знаю, – упорствовал внук.

– Зато я знаю, – сказал старший Пятитомов. – Впервые это историческое изречение прозвучало в Париже, в знаменитом салоне госпожи Мари де Виши-Шамброн, маркизы дю Деффан. Здесь в середине XVIII века собирались, так сказать, сливки тогдашнего общества – писатели, архитекторы, скульпторы, философы. Ты только вслушайся в эти имена: Гельвеций, Мирабо, д’Аламбер, Вольтер...

– Кое-какие из этих имён я слышал, – отозвался Серёжа.

– Будешь учиться – ещё больше узнаешь про упомянутых людей, – пообещал академик. – Так вот, в салоне маркизы дю Деффан велись свободные беседы на самые разные темы. И вот однажды речь зашла о чуде святого Дионисия. Согласно легенде, этот христианский мученик, казнённый язычниками, взял в руки свою

отрубленную голову и дошёл с ней до приготовленной могилы, сделав при этом десять шагов.

– Быть такого не может! – воскликнул внук.

– Именно так сказал кто-то из гостей маркизы. Она же мило улыбнулась и промолвила: «Почему бы и нет? Труден только первый шаг!» Это была шутка. Стоит ли, мол, спорить с религиозными догмами – всё равно они не поддаются логическому осмыслению. Прошли годы, изречение вошло в поговорку и приобрело несколько иной оттенок: главное – начать дело, а дальше оно само пойдёт. Так что собирайся в школу – и увидишь: ноги сами пойдут!

– Ладно уж, – вздохнул Серёжа и начал собираться.

В это время пришёл профессор Синицын. После взаимных приветствий академик благодарно посмотрел на внука:

– Я верил, что мои слова упадут на добрую почву!

– Куда-куда они упадут? – удивлённо переспросил Серёжа. – На какую почву? На чернозём, что ли?

– Не очень понимаю, о чём речь, – с ходу включился профессор, – но что касается падающих слов, то никуда они не упадут.

– Упомянутое крылатое выражение, означающее, что слова встретили интерес и возымели действие, – пояснил дедушка, – пришло к нам из евангельской притчи. Слушай же! Однажды сеятель вышел сеять. И, пока он шёл на поле, некоторые семена упали на дорогу, и их поклевали птицы. Другие зёрна – на каменистую поверхность, и ростки их быстро увяли, потому что некуда было пустить корни. Третьи оказались среди сорных трав и тоже погибли. Но вот сеятель дошёл до вспаханной пашни, доброй почвы. И семена, брошенные там, принесли богатый урожай...

– Имеющий уши да слышит! – завершил беседу профессор Синицын, прямо как апостол Матфей, пересказавший когда-то эту Иисусову притчу.

– Да слышу я, слышу, – отмахнулся Серёжа, быстро собирая портфель. – Опоздаю же в школу!

Фигаро здесь,
Фигаро там

– Успеешь, – успокоил его профессор. – Ты ведь у нас быстрый! Фигаро здесь, Фигаро там.

– Надеетесь, эти ваши слова тоже на добрую почву упадут? – пробормотал Серёжа, завязывая левый ботинок.

– Они вообще не упадут: это устойчивое выражение, – усмехнулся академик. – Оно короткое, а история его довольно длинная и интернациональная.

Серёжа завязал правый ботинок.

– В 1773 году французский драматург Пьер Огюстен Бомарше написал пьесу «Севильский цирюльник». Её героем был чрезвычайно расторопный молодой человек. Комедия имела колоссальный успех, она приобрела огромную популярность в Европе. В 1816 году итальянский композитор Джоаккино Россини создал на основе этого сюжета одноимённую оперу. Либретто к ней сочинил итальянский литератор Чезаре Стербини – на родном, конечно, языке.

Серёжа накинул куртку и открыл дверь.

– На русский оперу перевёл в 1822 году Рафаил Зотов. С тех пор все знают слова: «Фигаро здесь, Фигаро там...»

Серёжа выскочил на лестницу.

– Наш пострел везде поспел, – уточнил ему вслед смысл устойчивого выражения профессор Синицын.

Филькина грамота

Академик Пятитомов с тоской разглядывал обнаруженный на Серёжином столе тетрадный листок. В начале почерком внука было написано: «Самостоятельная работа. Эссе об Иване Грозном». В конце – красными чернилами – почерком Аллы Петровны: «Изволь переписать эту филькину грамоту».

– Разве так можно? – сказал академик, протягивая листок профессору Синицыну.

– Да уж, – покачал головой профессор, – сказано резковато.

– Вот и я о том же! – согласился вошедший в комнату Серёжа. – Не права Алла Петровна. Конечно, грамматических ошибок многовато понаделано, но я – Сергей. Грозный – Иван Васильевич. При чём тут Филька? Если уж честно, то грамота – моя.

– Это ты не прав, – покачал головой академик. – Когда-то на Руси грамотой называлось всякое письмо, послание. Их, в частности, во множестве писал царю митрополит Московский Филипп

Колычёв. Он выступал против бесчинств царя Ивана, обличал его самодурство, клеймил опричнину, призывал государя образумиться.

– Но тот, – продолжил профессор рассказ академика, – ничего и слышать не желал, презрительно именовал митрополита Филиппа

Филькой, а его письма – Филькиными грамотами. Это уже потом так стали называть любой безграмотный, не имеющий смысла текст – вне зависимости от имени его автора. Так что филькина грамота имеет прямое отношение и к тебе, Серёжа, и к Ивану Грозному.

– Спасибо! – сказал Серёжа. – Вот обо всём этом я Алле Петровне и напишу!

– Только грамматику не забудь проверить, – посоветовал дедушка.

Х

Ход конём

– Надо бы нам сходить в цирк, – озабоченно промолвил в субботу Серёжа.

– Почему это – «надо»? – усмехнулся профессор Синицын. – Сказал бы лучше – «хочется».

– Именно – надо, – возразил сообразительный подросток. – Мы проходим по истории Древний Рим. А там – об этом и в учебнике написано! – цирковое искусство достигло большого развития. Особенно в период упадка империи. Так что поход в цирк будет не развлечением, а экскурсией. Можно сказать, наглядным пособием.

– Вот так ход конём! – присвистнул профессор.

– Верно, в цирке и кони бывают, – сказал Серёжа, – джигитовка всякая, дрессировка. Очень полезное зрелище.

– Вообще-то выражение «ход конём», – возразил академик, – не имеет к цирку отношения. Оно имеет отношение к шахматам, да и то опосредованное. Сам знаешь: все фигуры ходят на доске по прямым открытым линиям. И только кони делают такие Г-образные загогулины. Поэтому о хитроумном поступке или лукавой идее говорят: «Ход конём». Его-то ты и сделал, и напрасно: я и так собирался предложить тебе сходить в воскресенье в цирк.

Хоть святых выноси

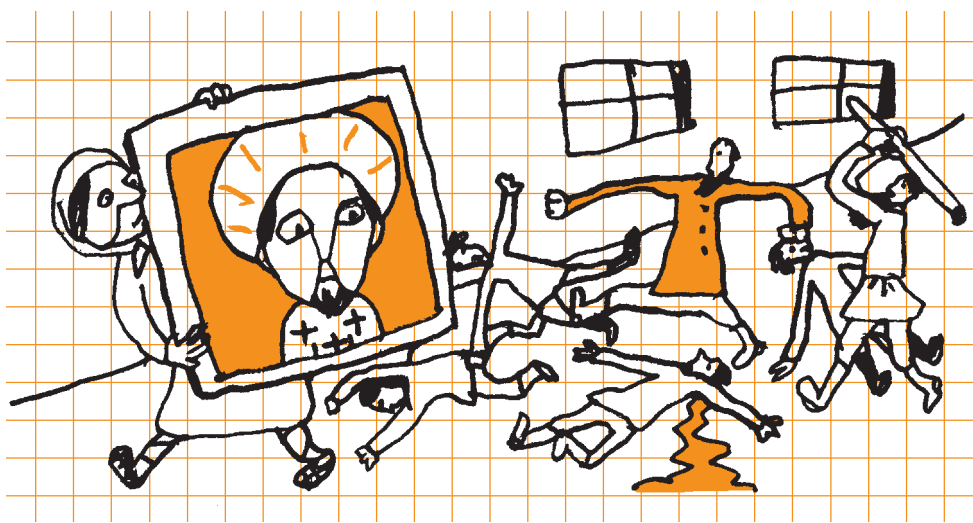
А в понедельник (в который уже раз!) из Серёжиной комнаты донёлся страшный шум. Академик и профессор, оторвавшись от научных занятий, устремились туда. Их глазам открылась безрадостная картина: стулья валяются вверх ножками, одежда раскидана, книжки скинуты со стола. Посреди всего этого разгрома Серёжа и Витя Воронков, раскрасневшиеся и взъерошенные, что есть силы толкают и пинают друг друга.

– Вот так-так! Ну и дела! – воскликнул профессор.

– Хоть святых выноси! – добавил академик.

– Тут святых нет! – пихнув Воронкова, отозвался Пятитомов-младший.

– Оно и видно, – вздохнув, согласился дедушка. – Это просто выражение такое, употребляемое в неприглядной или невыносимой

ситуации. В былые времена в каждом доме на Руси висела хоть одна икона. Смотрел с неё какой-нибудь святой. А под взглядом праведника творить непотребство было стыдно и вообще невозможно.

– Но и вести себя всё время благопристойно люди тоже не могли, – подхватил профессор, – на то они и люди. И поэтому на время раздоров или драк изображения святых выносили из комнаты... А что у вас-то случилось?

Ц

Цель оправдывает средства

– Я, – ответил Серёжа, – сказал Вите, что по закону Ньютона действие равно противодействию. А он сказал, что это смотря какое действие. А я решил ему доказать, что закон Ньютона – универсальный. И почти уже доказал. Но тут вы пришли.

– Что же, – промолвил профессор, – цель у тебя была благородная.

– Но средства! – покачал головой академик. – Средства совершенно негодные.

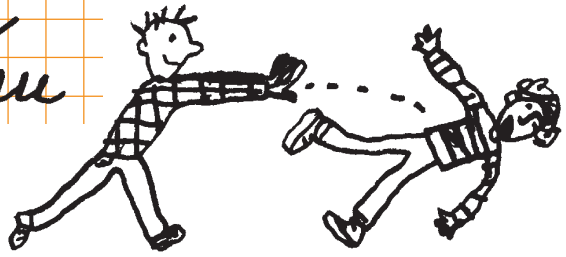
– А разве цель не оправдывает средства? – спросил Виктор.

– Конечно, нет! – вскричали учёные. – Иначе можно натворить много бед. Иначе говоря, наломать дров. А некоторые, даже политики, до сих пор думают, что – оправдывает. Поэтому и развязывают бессмысленные склоки и кровавые бойни. Хоть святых выноси! И оправдывают себя тем, что хотели как лучше. Но выходит-то как раз наоборот! Те, на кого они нападают, озлобляются, начинают, озлобившись, сопротивляться до конца. Установить прежний мир потом бывает очень трудно.

– Потому что действие всё-таки равно противодействию! – сообразил Воронков и толкнул напоследок Пятитомова-младшего.

Центр тяжести

От неожиданности Серёжа не оказал никакого противодействия и плюхнулся на кровать.

– Я свалился, потому что потерял центр тяжести, – объяснил он.

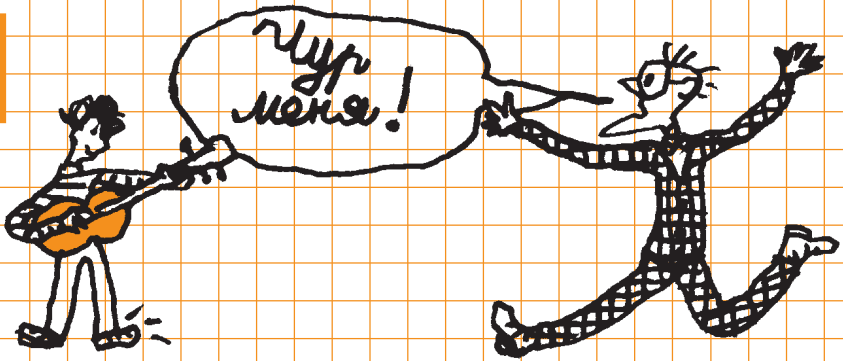
– В физическом смысле это не совсем верно, – возразил академик, – а в лингвистическом, языковом – неверно совсем. Как определяется термин «центр тяжести» в физике, мы сейчас обсуждать не станем. А вот в живом языке это устойчивое выражение означает «самое главное, основа, сущность».

– Например, – перешёл к примерам профессор Синицын, – что такое центр тяжести человеческих отношений? Взаимоуважение, стремление понять друг друга, дружелюбие...

– Желание доставить окружающим радость, – добавил академик.

– Раз так, я на гитаре вам сыграю, – предложил Серёжа.

Ч

Дней за десять до этого разговора Серёжа нашёл на антресолях старую дедушкину гитару и стал, как только появится свободная минутка, бить по струнам. Академику это не очень нравилось: Серёжино совсем не мелодичное «трам-пам-пам» сбивало с мысли. И вот теперь, когда внук предложил устроить целый струнный концерт, дедушка всплеснул руками и воскликнул:

– Чур меня!

Серёжа удивился и спросил:

– Ты что это, дед? «Чур-чура», «чурики» – так только в детских играх кричат.

– Не только! – не согласился профессор Синицын. – «Чур меня!» восклицают, когда хотят от чего-нибудь уберечься, оградиться. Это заклинание досталось нам от заговоров тех незапамятных времён, когда слово «чур» означало межу, рубеж.

– Не приближайся ко мне с гитарой, – добавил дедушка, – не нарушай все и всяческие границы!

– Ладно, – смиловился Серёжа. – Тогда давайте гулять пойдём.

– Отличная идея, – обрадовался стоявший в сторонке Витя Воронков, – заодно и меня проводите, мне как раз домой пора.

Шапочное
знакомство

По улице Карбышева шли двое взрослых и два ребёнка, вели неспешный разговор. Вдруг академик прервал беседу и поклонился какому-то прохожему.

– Это кто был? – спросил Серёжа.

– Да так, сосед, кажется. Я и имени-то его толком не знаю. Как говорится, шапочное знакомство, – небрежно ответил старший Пятитомов.

– А почему так говорится? – заинтересовался Витя Воронков.

– Потому что раньше, – отозвался профессор Синицын, – темп жизни был совсем иным. Медленный он был, неспешный. И людей было поменьше. У них было время, встречаясь друг с другом на улице, приподымать в знак приветствия шапки – даже перед малознакомыми.

– Поэтому, – подхватил академик, – такие отношения, не идущие дальше случайных встреч, стали называться шапочными.

– А я считаю, – снова взял слово профессор, какой-то раздражённый под вечер, – что в наши дни здороваться со всеми шапочными знакомыми совершенно излишне. И без того совершенно не хватает времени.

– А я так не считаю, – отпарировал академик, – потому что я человек щепетильный.

И снова кому-то поклонился.

– Тоже мне, щепетильник! – раздражённо фыркнул профессор.
– Такого и слова нет! – рассмеялся Серёжа.
– Сейчас нет, а когда-то было, – не дал соавтора в обиду академик. – Так раньше назывались купцы, торгующие перстнями, кольцами, запонками и прочим мелочным, щепетильным товаром – таким, которого в щепоть целая куча наберётся. Помнишь, у Пушкина:

Всё, чем для прихоти обильной
Торгует Лондон щепетильный... –

ну, и так далее. Теперь значение, разумеется, изменилось. Щепетильный человек – деликатный даже в мелочах.

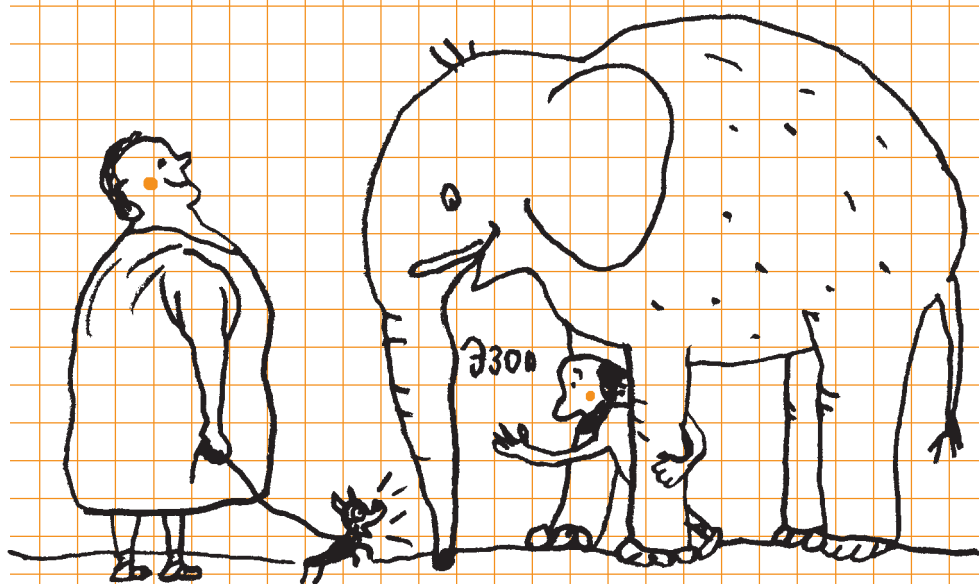
И опять поклонился кому-то.

Э

Эзопов язык

– Экие ты слова выбираешь! – всё больше раздражался профессор. – Щепетильность какая-то! Мог бы сказать просто и прямо: мелочность, чистоплюйство, занудство. Нет же, он прибегает к иносказанию! Так, чего доброго, и до эзопова языка дойдёшь!

– Даже если так, – примирительно откликнулся академик, – что же тут плохого? Чтобы никого своими баснями впрямую не обижать, а то ещё мстить станут, Эзоп, от имени которого и пошло упомянутое устойчивое выражение, использовал в своих баснях разные

аллегии. К примеру, в образе маленькой собачки, лающей на слона, изображал раздражённого ни с того ни с сего критика...

– Эзоп жил давным-давно! Он был раб и язык его – рабский! А мы не рабы и нам этот эзопов язык ни к чему! – окончательно распалился Синицын.

Академик Пятитомов примирительно погладил друга по плечу:

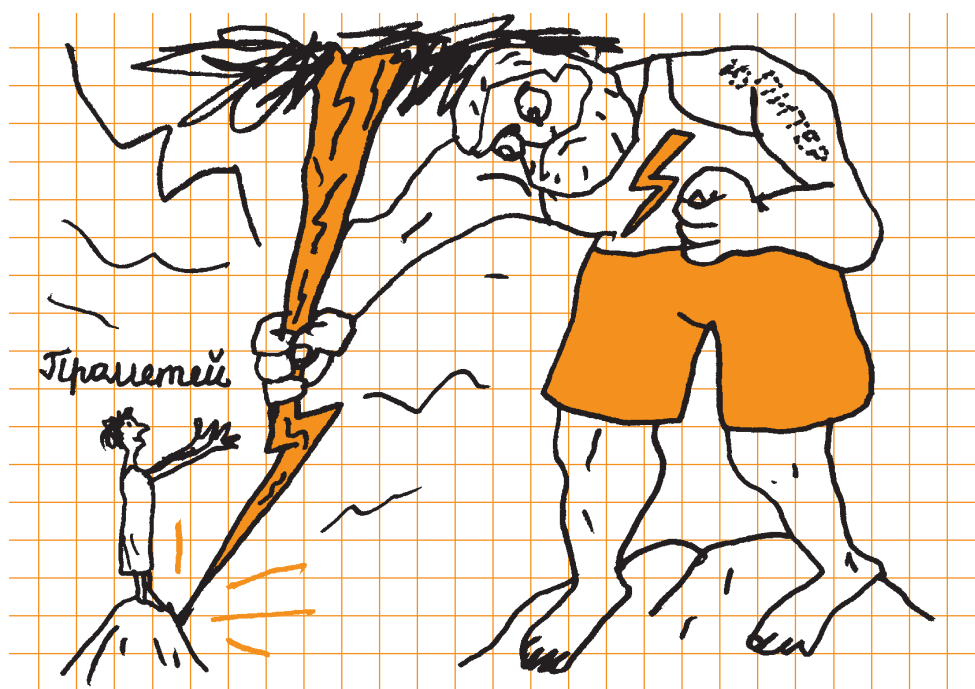
– Юпитер, ты сердишься, значит, ты не прав.

Ю

Юпитер, ты сердишься, значит, ты не прав

Серёжа и Витя недоуменно подняли брови. Заметив, что требуется педагогическая помощь, профессор отбросил прочь дурное настроение и с готовностью дал необходимую справку:

– Древний миф повествует о том, как повздорили Прометей и бог-громовержец Зевс, то есть Юпитер. Заметив, что тот, не находя в споре весомых аргументов, схватился в гневе за грозовую молнию, собираясь поразить ею противника, Прометей остановил его фразой, ставшей крылатой: «Юпитер, ты сердишься, значит, ты не прав», – мол, тот, кто слишком кипит в полемике, самым этим показывает свою неправоту... Не стану спорить: погорячился. Вина тут. Ничего дурного в эзоповом языке нет.

Тем временем добрались до парадного Вити Воронкова, и он, попрощавшись, поспешил в свою квартиру. Отправился восвояси на Полтавскую улицу и профессор Синицын. Пятитомовы пошли домой.

– Удивительное дело, как много вы с профессором всего знаете, – сказал по дороге Серёжа.

– Ну, знания – дело наживное, – улыбнулся растроганный дедушка. – Придёт время, и ты будешь много разного знать.

– А пока, по сравнению с вами, – вздохнул внук, – я ничего не знаю.

Я Я знаю, что ничего не знаю

Академик застыл как вкопанный и пристально поглядел на Серёжу:

– Иногда ты меня прямо-таки поражаешь. Недаром говорится: «Устами младенца глаголет истина».

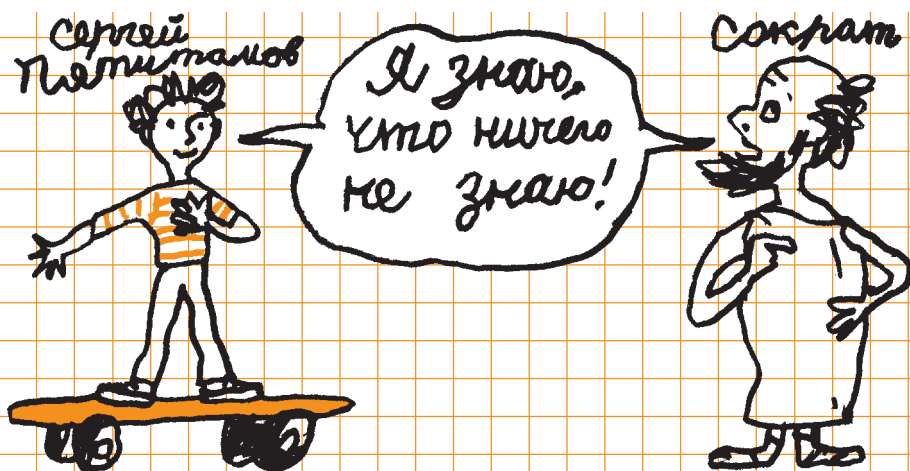
– Что ж я такого сказал?

– Ты сказал: «Я знаю, что ничего не знаю» – и таким образом пришёл к той же мысли, что и древнегреческий мудрец Сократ.

– Выходит, я мудрец? – вскинул голову Сергей.

– Получается, что так. Если, конечно, ты употребил слова в том же смысле, что и великий философ: познания отдельного человека ничтожны по сравнению со всем мировым знанием, и накоплению их приходится посвящать всю жизнь. По-русски говоря – век живи, век учись.

И внук с дедушкой продолжили дальнейший путь.

Содержание

А

А Васька слушает, да ест ... 6

Б

Бессмысленные мечтания ... 8

Битва гигантов ... 10

Бить баклуши ... 12

Буриданов осёл ... 14

В

Взялся за гуж, не говори,
что не дуж ... 16

Во весь опор ... 18

Во всю ивановскую ... 18

Все дороги ведут в Рим ... 20

Всерьёз и надолго ... 22

Всё своё ношу с собой ... 24

Втирать очки ... 25

Г

Газетная утка ... 26

Гвардия умирает, но не сдаётся ... 27

Где раки зимуют ... 29

Геростратова слава ... 30

Д

Дарёному коню в зубы не смотрят ... 32

Делу время, потехе час ... 33

Дёргать за ниточки ... 34

Дойти до ручки ... 35

Доколе, Катилина ... 36

Долгий ящик ... 37

Драконовские законы ... 38

Е

Ежу понятно ... 39

Ж

Жёлтая пресса ... 40

Жребий брошен ... 41

З

За милую душу ... 42

Заранее подготовленные позиции ... 43

Заседание продолжается ... 44

И

Играть в бирюльки ... 45

Ищите женщину! ... 46

Ищу человека ... 47

К

Как вкопанный ... 49

Как из пушки ... 51

Катись колбаской ... 52

Когда рак на горе свистнет ... 53

Красная рыба ... 53

Кто не рискует, тот не пьёт
шампанского ... 55

Л

Лежачего не бьют ... 56

Львиная доля ... 58

Любое место почётно ... 59

М

Мели, Емеля ... 60

Н

На Шипке всё спокойно ... 61

Назвался груздем – полезай
в кузов ... 62

Ни дня без строчки ... 63

Содержание

О

Одна ласточка весны не делает ... **64**
Открыть Америку ... **65**

П

Первый среди равных ... **67**
Перегнуть палку ... **68**
Полная дребедень ... **68**
Правда необычайнее вымысла ... **69**
Присесть на дорожку ... **71**
Пришёл, увидел, победил ... **73**
Пусть едят пирожные ... **73**

Р

Развесистая клюква ... **75**

С

Салат оливье ... **76**
Семь пятниц на неделе ... **78**
Сенная девушка ... **78**

Т

Тайны мадридского двора ... **79**
Труден только первый шаг ... **80**

У

Упасть на добрую почву ... **82**

Ф

Фигаро здесь, Фигаро там ... **83**
Филькина грамота ... **84**

Х

Ход конём ... **85**
Хоть святых выноси ... **86**

Ц

Цель оправдывает средства ... **87**
Центр тяжести ... **88**

Ч

Чур меня! ... **88**

Ш

Шапочное знакомство ... **89**

Щ

Щепетильный человек ... **90**

Э

Эзопов язык ... **91**

Ю

Юпитер, ты сердисься, значит,
ты не прав ... **92**

Я

Я знаю, что ничего не знаю ... **93**

Литературно-художественное издание

Николай Михайлович **ГОЛЬ**

“УВЫ”

Устойчивые выражения
академика Пятитомова
и профессора Синицына

Иллюстрации
Юрия Александрова

Редактор Алла Насонова
Корректор Анастасия Данилова
Технический редактор Виктор Лысов
Макет и оформление Кирилла Шантгая
Компьютерная вёрстка Виктора Лысова

Подписано к печати 29.09.23. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 6. Тираж 2 000 экз. Заказ №

Издатель ООО «Мой учебник»
119922, Москва, ул. Усачёва, д. 11, стр. 1Г.
Тел. 8 (495) 415 64 60; 8 (916) 634 85 01;
E-mail: mytextbook@mail.ru, www.mytext-book.ru

При участии ООО «Издательский дом “Детское время”»
199004, Санкт-Петербург, 3-я линия В.О., д. 48, пом. 86.

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ».
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14.